

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Департамент частного права

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Гражданско-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Замена участников процесса в гражданском судопроизводстве: проблемы теории и практики

Обучающийся

К.В. Сердобинцева

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. полит. наук Д.С. Горелик

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современном гражданском судопроизводстве вопросы, связанные с заменой участников процесса, приобретают все большее значение в связи с усложнением гражданского оборота и увеличением количества случаев правопреемства. Динамичность гражданских правоотношений нередко приводит к ситуациям, когда в ходе судебного разбирательства возникает необходимость замены одной из сторон или третьих лиц, что требует четкого правового регулирования и выработки единообразной судебной практики. Процессуальный институт замены участников процесса играет важную роль в обеспечении эффективности правосудия и защиты прав заинтересованных лиц.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе замены участников гражданского судопроизводства.

Предметом исследования являются нормы гражданского процессуального права, регулирующие порядок и основания замены участников процесса, а также правоприменительная практика в данной сфере.

Цель работы заключается в комплексном исследовании теоретических и практических аспектов замены участников процесса в гражданском судопроизводстве, выявлении существующих проблем и разработке предложений по совершенствованию законодательства.

Практическая значимость работы заключается в том, что сформулированные в ней выводы и предложения могут быть использованы для совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере замены участников гражданского судопроизводства.

Бакалаврская работа состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретические основы замены участников процесса в гражданском судопроизводстве	6
1.1 Понятие и виды участников гражданского процесса	6
1.2 Проблемы и особенности правового статуса участников гражданского процесса	16
Глава 2 Процедурные аспекты и правовые последствия замены участников процесса	26
2.1 Способы и последствия замены участников	26
2.2 Соотношение материального и процессуального правопреемства в гражданском процессе	36
Глава 3 Проблемы и практические аспекты замены участников процесса	47
3.1 Практические аспекты замены сторон в гражданском процессе: судебная практика	47
3.2 Рекомендации по совершенствованию законодательства.....	58
Заключение	66
Список используемой литературы и используемых источников	69

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современном гражданском судопроизводстве вопросы, связанные с заменой участников процесса, приобретают все большее значение в связи с усложнением гражданского оборота и увеличением количества случаев правопреемства. Динамичность гражданских правоотношений нередко приводит к ситуациям, когда в ходе судебного разбирательства возникает необходимость замены одной из сторон или третьих лиц, что требует четкого правового регулирования и выработки единообразной судебной практики.

Процессуальный институт замены участников процесса играет важную роль в обеспечении эффективности правосудия и защиты прав заинтересованных лиц. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики и научной литературы, существует ряд теоретических и практических проблем, связанных с определением оснований, порядка и последствий такой замены.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе замены участников гражданского судопроизводства.

Предметом исследования являются нормы гражданского процессуального права, регулирующие порядок и основания замены участников процесса, а также правоприменительная практика в данной сфере.

Цель работы заключается в комплексном исследовании теоретических и практических аспектов замены участников процесса в гражданском судопроизводстве, выявлении существующих проблем и разработке предложений по совершенствованию законодательства.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- исследовать понятие и виды участников гражданского процесса;
- проанализировать особенности правового статуса участников гражданского процесса;

- рассмотреть процедурные аспекты замены сторон и третьих лиц;
- изучить способы и последствия замены участников процесса;
- проанализировать судебную практику по вопросам замены участников процесса;
- разработать рекомендации по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных ученых-процессуалистов, в частности работы Т.Т. Алиева, О.Н. Городновой, Е.С. Трезубова, А.Т. Таировой и других авторов, исследовавших различные аспекты правового положения участников гражданского процесса.

Нормативную базу исследования составляют, Гражданский процессуальный кодекс РФ, федеральные законы и иные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы участия и замены лиц в гражданском судопроизводстве.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы судебной практики, статистические данные и аналитические материалы по теме исследования.

Практическая значимость работы заключается в том, что сформулированные в ней выводы и предложения могут быть использованы для совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере замены участников гражданского судопроизводства.

Бакалаврская работа состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические основы замены участников процесса в гражданском судопроизводстве

1.1 Понятие и виды участников гражданского процесса

Институт участников гражданского процесса является фундаментальной основой гражданского судопроизводства, определяющей структуру и динамику процессуальных правоотношений. Эффективность осуществления правосудия по гражданским делам во многом зависит от правильного определения состава участников процесса, их процессуального статуса и характера юридической заинтересованности в исходе дела.

В современной науке гражданского процессуального права сложились различные подходы к пониманию системы участников гражданского процесса, их классификации и особенностей процессуального положения. Особый научный интерес представляет исследование правового статуса отдельных категорий участников процесса, специфики их процессуальных прав и обязанностей, а также механизмов обеспечения их эффективного участия в судопроизводстве.

С точки зрения К.Б. Бойко, важное значение в гражданском процессе имеет правильное определение круга участников судопроизводства, которое должно осуществляться на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. При этом автор подчеркивает: «Разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса должно осуществляться с учетом содержания ст. 34 ГПК РФ» [5, с. 83].

К.Б. Бойко развивает концепцию юридической заинтересованности как ключевого критерия классификации участников процесса. Исследователь отмечает: «Юридическая заинтересованность выступает основным критерием выделения лиц, участвующих в деле, в отдельную категорию участников гражданского процесса» [5, с. 84].

В своем исследовании К.Б. Бойко указывает на дифференциацию правового статуса участников процесса, подчеркивая: «Характер заинтересованности каждого из участников, входящих в группу лиц, участвующих в деле, специфичен в силу особенностей процессуального положения» [5, с. 84].

Автор акцентирует внимание на взаимосвязи между материально-правовым интересом и процессуальным статусом участника, отмечая: «Участие тех или иных лиц в процессе определяется характером спорного правоотношения и наличием материально-правового интереса» [5, с. 83].

К.Б. Бойко подчеркивает значимость правильного определения состава участников процесса для эффективного судопроизводства. По мнению автора, «суд в ходе подготовки дела к рассмотрению должен верно определить состав лиц, участвующих в деле, а также иных участников процесса, поскольку данное обстоятельство напрямую влияет на ход и эффективность рассмотрения дела» [5, с. 84].

Исследователь указывает на необходимость учета правовой позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой «суд обязан верно определить состав лиц, заинтересованных в исходе дела» [5, с. 83]. В подтверждение своей позиции автор приводит показательный пример из судебной практики.

К.Б. Бойко особо отмечает роль стадии подготовки дела к судебному разбирательству, указывая: «Стадия подготовки обеспечивает и направляет процессуальные действия для рассмотрения дела уже в первом судебном заседании и даёт возможность разрешить спор на ранней стадии дела» [5, с. 84].

В целом исследование К.Б. Бойко представляет комплексный анализ правового статуса участников гражданского процесса через призму их юридической заинтересованности и процессуального положения.

По нашему мнению, соглашаясь с основными положениями исследования К.Б. Бойко, следует отметить, что автор предлагает весьма обоснованный подход к классификации участников гражданского процесса на

основе критерия юридической заинтересованности. Однако представляется необходимым дополнить данный подход анализом процессуальных прав и обязанностей каждой категории участников, что позволило бы создать более полную картину их правового статуса. Кроме того, заслуживает внимания вопрос о возможности расширения критериев классификации участников процесса, включив, помимо юридической заинтересованности, такие основания как характер процессуальной деятельности и степень влияния на исход дела. Это позволило бы создать более детальную и практически применимую систему классификации участников гражданского процесса.

Развивая общетеоретические положения об участниках гражданского процесса, особое внимание следует уделить центральным субъектам процессуальных правоотношений - сторонам спора.

По мнению Х.М. Яндиевой, фундаментальной основой гражданского процесса выступает наличие его участников - субъектов, именуемых лицами, участвующими в деле. Автор акцентирует внимание на том, что «обязательной составляющей гражданского процесса является наличие в нем участников, иными словами субъектов, которые называются лицами, участвующими в деле» [26, с. 65].

С точки зрения Х.М. Яндиевой, центральное место среди участников процесса занимают истец и ответчик, являющиеся незаменимыми субъектами судопроизводства. Исследователь подчеркивает, что «сторонами дела обозначаются лица, между которыми имеется гражданско-правовой спор, не решившийся на добровольной основе и подлежащий рассмотрению в суде» [26, с. 65].

Особое внимание Х.М. Яндиева уделяет процессуальному статусу сторон, отмечая, что «объем процессуальных прав сторон значительно шире, чем у других участников гражданского судопроизводства» [26, с. 65]. Автор подчеркивает уникальность правового положения сторон, заключающуюся в их возможности распоряжаться процессом и предметом спора.

Важным, по мнению Х.М. Яндиевой, является метод процессуального единства сторон, обеспечивающий равные возможности защиты прав и законных интересов в судебном разбирательстве. При этом автор отмечает, что «равенство сторон обеспечивается через их взаимоотношения между собой, а также с судом» [26, с. 66].

Существенное внимание в работе уделяется проблеме определения ненадлежащей стороны процесса. Х.М. Яндиева указывает, что «сложным остается определение ненадлежащей стороны. Иногда это можно сделать с помощью норм права» [26, с. 67].

По нашему мнению, позиция Х.М. Яндиевой относительно участников гражданского процесса заслуживает поддержки в части выделения особого статуса сторон и обоснования принципа их процессуального равенства. Однако представляется, что автор недостаточно глубоко исследовала вопрос процессуального соучастия и процессуального правопреемства, которые также имеют существенное значение для понимания системы участников гражданского процесса. Кроме того, требует дополнительного научного осмысления механизм определения надлежащей стороны процесса, поскольку предложенный автором подход не в полной мере отражает всю сложность данной проблематики в современных условиях развития процессуального законодательства.

Наряду с основными участниками процесса - сторонами, существенное значение для правильного рассмотрения дела имеет институт процессуальной легитимации и проблема определения надлежащей стороны.

С точки зрения Д.В. Худадяна, участники гражданского процесса представляют собой сложную систему субъектов процессуальных правоотношений, где центральное место занимают стороны - истец и ответчик. Автор подчеркивает важность легитимации как ключевого элемента, определяющего способность лица выступать стороной по конкретному делу.

В своем исследовании ученый отмечает: «Легитимация – означает, что всякое правоспособное лицо вольно предъявить иск, но далеко не всякий имеет право на предъявление данного конкретного иска» [25, с. 104]. Данное положение раскрывает фундаментальный принцип гражданского процесса – необходимость наличия материально-правовой связи между участниками судопроизводства.

Особое внимание Д.В. Худадян уделяет проблеме ненадлежащей стороны в гражданском процессе. По его мнению, «ненадлежащая сторона – это лицо, в отношении которого по материалам дела исключается предположение о том, что оно является субъектом спорного правоотношения» [25, с. 104]. Автор предлагает рассматривать ненадлежащего истца как «лицо, выступающее в гражданском процессе, но не имеющее правовых оснований для обращения с иском к ответчику» [25, с. 104].

Исследователь критически оценивает действующий механизм замены ненадлежащей стороны, указывая на противоречия между принципами диспозитивности и другими принципами гражданского судопроизводства. По мнению автора, текущее регулирование может приводить к нарушению принципов состязательности, равенства, непосредственности, справедливости и законности.

По нашему мнению, позиция Д.В. Худадяна заслуживает поддержки в части необходимости совершенствования механизма замены ненадлежащей стороны в гражданском процессе. Действительно, существующий порядок создает риски нарушения процессуальных прав участников судопроизводства и может приводить к затягиванию процесса. Однако представляется необходимым дополнить предложенный автором подход более детальной регламентацией процедуры привлечения надлежащей стороны, включая сроки и формы уведомления, а также механизмы защиты прав добросовестных участников процесса. Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос о расширении полномочий суда по инициативной замене ненадлежащей

стороны в случаях, когда это необходимо для защиты публичных интересов или прав третьих лиц.

Помимо сторон, важную роль в гражданском процессе играют третьи лица, чьи права и законные интересы могут быть затронуты судебным решением.

С точки зрения И.Р. Мирошниченко, участники гражданского процесса представляют собой сложную систему процессуальных отношений, где особое место занимают третьи лица. Автор подчеркивает, что разбирательство гражданского дела может затрагивать интересы не только непосредственных участников процесса, но и других лиц, обладающих важной для разрешения дела информацией.

И.Р. Мирошниченко акцентирует внимание на том, что «наиболее важный вопрос, который должен быть решен после принятия дела к производству является вопрос о составе участников данного производства» [12, с. 193]. Данное положение обосновывается тем, что спор между истцом и ответчиком часто затрагивает интересы иных лиц, которые должны быть привлечены к производству для вынесения верного решения.

Особое внимание в работе уделяется процессуальному положению третьих лиц. По мнению И.Р. Мирошниченко, «при наличии ситуации, когда судья решает вопрос о возможном включении в процесс третьего лица, то важным является установить факты правовой связи между истцом, ответчиком и привлекаем в процесс третьим лицом» [12, с. 193].

Автор выделяет важную проблему современного гражданского процесса - «отсутствие правового регулирования порядка исключения третьего лица из уже начавшегося процесса, за исключением случая изменения истцом исковых требований» [12, с. 194]. Данное обстоятельство создает процессуальные сложности, когда суд, даже убедившись в отсутствии необходимости участия третьего лица, не может исключить его из разбирательства.

И.Р. Мирошниченко подчеркивает существенное значение стадии подготовки дела к судебному разбирательству для определения состава

участников процесса. По мнению автора, «в случае неверного разрешения данного вопроса к участию в деле могут быть допущены лица, которые не способны предоставить никакую ценную информацию для верного разрешения дела» [12, с. 194].

Анализируя процессуальное положение третьих лиц, И.Р. Мирошниченко отмечает, что их требования могут быть направлены как в отношении истца, так и в отношении ответчика, поскольку «независимо от направленности требований третьего лица только к одной из участвующих в деле сторон, происходит оспаривание предмета спора» [12, с. 194].

Анализируя научные воззрения И.Р. Мирошниченко на проблематику участия третьих лиц в гражданском процессе, следует признать обоснованность и своевременность поднятых автором вопросов. Особенно актуальным представляется выдвинутый тезис о необходимости комплексного подхода к определению состава участников гражданского судопроизводства на начальных этапах рассмотрения дела. Такой подход действительно способствует не только правильному и своевременному рассмотрению дела, но и обеспечивает реализацию принципа процессуальной экономии. Вместе с тем, позиция автора могла бы быть усилена путем разработки конкретных законодательных механизмов, позволяющих суду оперативно реагировать на изменение процессуальной ситуации в ходе рассмотрения дела. В частности, представляется целесообразным дополнить ГПК РФ нормами, предусматривающими возможность исключения третьих лиц из процесса в случаях, когда их юридическая заинтересованность в исходе дела не подтверждается материалами дела или утрачивается в ходе судебного разбирательства. Данное предложение основывается на необходимости соблюдения баланса между правом заинтересованных лиц на судебную защиту и принципом процессуальной эффективности, требующим исключения из процесса лиц, участие которых не способствует правильному и своевременному рассмотрению дела.

Особого внимания заслуживает вопрос о процессуальном положении законных представителей, обеспечивающих защиту прав и интересов лиц, не обладающих полной процессуальной дееспособностью.

С точки зрения А.Т. Таировой, участники гражданского процесса представляют собой сложную систему субъектов процессуальных правоотношений, среди которых особое место занимают законные представители. Автор акцентирует внимание на том, что «законный представитель является лицом, участвующим в деле, поскольку он является субъектом гражданских процессуальных отношений, имеет процессуальный интерес в деле, своими действиями оказывает влияние на развитие процесса, имеет самостоятельные процессуальные права и обязанности» [22, с. 20].

По мнению А.Т. Таировой, специфика участия законного представителя в гражданском процессе обусловлена особым правовым статусом представляемого лица, который характеризуется отсутствием полной или частичной дееспособности. При этом автор подчеркивает, что «защита прав и охраняемых законом интересов, восполнение дееспособности и осуществление надзора за несовершеннолетними являются целями законного представительства» [22, с. 20].

Исследователь указывает на существование различных категорий законных представителей в гражданском процессе, правовой статус которых определяется характером представляемых лиц. А.Т. Таирова отмечает, что «в зависимости от вида правовой связи между представителем и представляемым будет различаться и статус законного представителя» [22, с. 20].

Принципиально важным, с позиции А.Т. Таировой, является то, что «специальный гражданско-процессуальный статус законного представителя тесно связан со статусом родителя или лица, заменяющего родителя, если речь идет о несовершеннолетних» [22, с. 20]. Автор подчеркивает неразрывную связь материально-правового и процессуального статусов законного представителя.

Существенным аспектом исследования А.Т. Таировой является анализ объема процессуальных прав и обязанностей законных представителей. Автор указывает, что «набор прав и обязанностей опекуна будет существенно шире, чем набор прав и обязанностей попечителя, что обусловлено состоянием представляемого лица» [22, с. 20].

А.Т. Таирова обращает особое внимание на то, что «законные представители действуют исключительно в целях восполнения неполной дееспособности граждан» [22, с. 20]. Этот тезис является основополагающим для понимания роли законного представителя как участника гражданского процесса.

В исследовании подчеркивается, что «понятие «законный представитель» может быть использовано для обозначения как специального правового статуса, так и процессуального статуса родителей или лиц, их замещающих» [22, с. 20]. Данное положение раскрывает дуалистическую природу правового статуса законного представителя.

А.Т. Таирова делает важный вывод о том, что «степень самостоятельности несовершеннолетнего прямо коррелирует со степенью свободы законного представителя в интересах несовершеннолетнего: чем самостоятельнее несовершеннолетний, тем меньше правомочий в его отношении у законного представителя» [22, с. 20].

Анализируя научные воззрения А.Т. Таировой, следует отметить фундаментальность и научную обоснованность её подхода к определению правового статуса законного представителя в гражданском процессе. Вместе с тем, современные реалии судопроизводства выявляют ряд проблемных аспектов в данной сфере. В частности, требует более детальной регламентации механизм реализации полномочий законного представителя при проведении судебных заседаний с использованием систем видеоконференцсвязи, особенно в случаях, когда представляемое лицо и законный представитель находятся в разных населенных пунктах. Кроме того, практика показывает, что законные представители нередко сталкиваются с процессуальными

сложностями при истребовании доказательств, ознакомлении с материалами дела в электронном формате, что может негативно сказаться на качестве защиты прав представляемого лица. В этой связи представляется необходимым усовершенствовать процессуальное законодательство путем закрепления дополнительных гарантий для законных представителей, в том числе расширения их полномочий по участию в процессе сбора и исследования доказательств, а также обеспечения им беспрепятственного доступа к материалам дела в электронном виде.

Анализ научных подходов к определению понятия и видов участников гражданского процесса свидетельствует о многогранности и комплексном характере данного института. Современная доктрина гражданского процессуального права выработала детальную систему критериев классификации участников процесса, основанную на характере их юридической заинтересованности, процессуальном статусе и роли в судопроизводстве. При этом особое значение приобретают вопросы определения надлежащей стороны процесса, процессуального положения третьих лиц и законных представителей, что обусловлено необходимостью обеспечения эффективной судебной защиты прав и законных интересов всех заинтересованных субъектов.

Развитие современного гражданского процессуального законодательства и судебной практики требует дальнейшего совершенствования правового регулирования статуса участников гражданского процесса. Особое внимание следует уделить механизмам определения состава лиц, участвующих в деле, процедурам замены ненадлежащей стороны, расширению процессуальных возможностей законных представителей и третьих лиц. Кроме того, актуальным представляется развитие института процессуального соучастия и правопреемства, а также адаптация процессуального законодательства к современным технологическим условиям осуществления правосудия.

1.2 Проблемы и особенности правового статуса участников гражданского процесса

Правовой статус участников гражданского процесса представляет собой одну из ключевых категорий процессуального права, определяющую эффективность судебной защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений. Комплексное исследование данного института требует глубокого анализа как законодательных положений, так и доктринальных подходов к пониманию процессуального положения различных участников судопроизводства, их прав, обязанностей и особенностей взаимодействия в рамках процессуальных правоотношений.

Законодатель устанавливает сложную и многоуровневую систему участников гражданского процесса, определяя их процессуальные права и обязанности с учетом роли каждого субъекта в механизме отправления правосудия. В соответствии с положениями ГПК РФ, центральное место в системе участников занимают лица, участвующие в деле, к которым относятся «стороны, третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным статьями 4, 46 и 47 настоящего Кодекса» [8].

Особое значение придается процессуальному положению сторон как основных участников состязательного процесса. При этом законодатель закрепляет принцип процессуального равноправия сторон, согласно которому «стороны пользуются равными процессуальными правами и несут равные процессуальные обязанности» [8]. Данное положение является фундаментальным для обеспечения справедливого судебного разбирательства и реализации конституционного права на судебную защиту.

Существенное внимание уделяется институту процессуального представительства, через который реализуется право на квалифицированную юридическую помощь. Законодатель устанавливает, что «представителями в

суде могут быть дееспособные лица, имеющие надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела, за исключением лиц, указанных в статье 51 настоящего Кодекса» [8]. При этом особо подчеркивается необходимость наличия высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности у представителей, что направлено на повышение качества судебной защиты прав и законных интересов.

Отдельного внимания заслуживает процессуальный статус прокурора, который «вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований» [8]. Данное положение отражает публично-правовой характер участия прокурора в гражданском процессе и его особую роль в защите публичных интересов и прав социально уязвимых категорий граждан.

В контексте развития современных процессуальных отношений особую актуальность приобретает регламентация участия в деле третьих лиц. Законодатель различает третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, и третьих лиц, не заявляющих таких требований. При этом «третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, могут вступить в дело до принятия судебного постановления судом первой инстанции. Они пользуются всеми правами и несут все обязанности истца» [8]. Такая дифференциация процессуального статуса третьих лиц обусловлена различием их материально-правовой заинтересованности в исходе дела и влияет на объем их процессуальных прав и обязанностей.

Законодатель также уделяет внимание процессуальному положению лиц, содействующих осуществлению правосудия, к которым относятся свидетели, эксперты, специалисты, переводчики. Их участие в процессе носит вспомогательный характер, но имеет существенное значение для всестороннего и полного рассмотрения дела. Примечательно, что «за дачу заведомо ложного заключения эксперт предупреждается судом об

ответственности, предусмотренной Уголовным кодексом Российской Федерации» [8], что подчеркивает важность достоверности предоставляемых ими сведений для отправления правосудия.

От общего законодательного регулирования правового статуса участников гражданского процесса логично перейти к рассмотрению конкретных проблем, выявленных в научной доктрине.

С точки зрения О.Н. Городновой и А.А. Макарушковой, одной из ключевых проблем в современном гражданском процессе является неопределенность правового статуса отдельных участников судопроизводства. Авторы подчеркивают, что «в условиях реформирования процессуального законодательства правовое регулирование данного института крайне ограничено, а многие вопросы до сих пор остаются неразрешенными» [7, с. 135].

По мнению исследователей, существенным пробелом является отсутствие в ст. 34 ГПК РФ упоминания о взыскателе и должнике как участниках приказного производства. Авторы отмечают, что «материальный и процессуальный интересы наличествуют как у взыскателя, так и у должника» [7, с. 136], что обуславливает необходимость их включения в перечень лиц, участвующих в деле.

Особое внимание О.Н. Городнова и А.А. Макарушкова уделяют проблеме определения правового статуса прокурора в гражданском процессе. Они указывают на двойственность его положения: «в действующем законодательстве статус прокурора характеризуется двойственно (в качестве лица, обращающегося в суд в защиту прав, свобод или интересов поименованных в законе лиц, и в качестве лица, дающего заключение по делу)» [7, с. 136].

Исследователи акцентируют внимание на отсутствии в ГПК РФ четкого определения статуса Уполномоченного по правам человека и Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка. Они подчеркивают, что «действующий ГПК РФ не упоминает об Уполномоченном как участнике

гражданских процессуальных правоотношений, что создает пробел в регулировании его процессуального статуса» [7, с. 137].

С точки зрения авторов, существенной проблемой является неопределенность понятия «заинтересованные лица» в гражданском процессе. Они отмечают, что «понятие 'заинтересованные лица' трактуется законодателем неоднозначно» [7, с. 137], что создает сложности в правоприменительной практике.

Особого внимания заслуживает позиция О.Н. Городновой и А.А. Макарушковой относительно статуса лиц, не привлеченных к участию в деле. Авторы указывают, что «предоставив право обжалования лицам, не привлеченным к участию в деле, законодатель не дал разъяснений по вопросам о том, кто относится к этим лицам и каков их процессуальный статус» [7, с. 137].

Исследователи предлагают расширить перечень лиц, участвующих в деле, включив в него взыскателя и должника по делам приказного производства, а также четко определить правовое положение Уполномоченного, отнеся его к числу субъектов ст.ст. 46, 47 ГПК РФ.

Критически осмысливая научную позицию О.Н. Городновой и А.А. Макарушковой, следует признать обоснованность и своевременность поставленных авторами вопросов о необходимости законодательного совершенствования правового статуса участников гражданского процесса. Заслуживает поддержки предложение о включении в перечень лиц, участвующих в деле, взыскателя и должника в приказном производстве, что обусловлено наличием у данных субъектов материально-правового интереса в исходе дела. Однако дискуссионной представляется позиция авторов относительно унификации правового статуса прокурора. Полагаем, что специфика функций прокурора в гражданском процессе, сочетающая элементы надзора за законностью и защиты публичных интересов, требует сохранения особого процессуального положения данного субъекта. При этом необходимо законодательное уточнение объема его процессуальных прав и

обязанностей применительно к каждой из выполняемых функций, что позволит оптимизировать участие прокурора в гражданском судопроизводстве и повысить эффективность защиты прав граждан и публичных интересов.

Развивая проблематику правового статуса участников гражданского процесса, необходимо обратиться к более детальному рассмотрению отдельных процессуальных институтов.

По мнению Т.Т. Алиева, в современном законодательстве существует целый комплекс проблем, связанных с правовым положением участников гражданского процесса, требующих детального научного осмысления и законодательного разрешения. Ученый подчеркивает, что «в современном законодательстве и правоприменительной практике существует ряд проблем, связанных с правовым положением участников гражданского процесса» [3, с. 88].

С точки зрения Т.Т. Алиева, особого внимания заслуживает проблема привлечения государственных органов в качестве третьих лиц. Автор отмечает существующую практику привлечения органов опеки и попечительства в качестве третьих лиц, хотя по закону они должны участвовать как уполномоченные органы для представления заключений по существу спора. При этом ученый находит обоснование такой практики в том, что «результат рассмотрения и разрешения дела влияет на права и обязанности органов опеки и попечительства» [3, с. 88].

Т.Т. Алиев поднимает важный вопрос о процессуальном статусе несовершеннолетних участников гражданского процесса. Исследователь указывает на необходимость законодательного закрепления связи между процессуальной дееспособностью и дееспособностью в материальном праве, отмечая, что «если гражданин обладает трудовой дееспособностью, значит, он обладает и процессуальной дееспособностью для защиты трудовых прав» [3, с. 88].

В своем исследовании Т.Т. Алиев обращает внимание на проблематику определения правового положения лиц, участвующих в делах о защите прав потребителей. Автор подчеркивает, что «в правоприменительной практике существуют проблемы, связанные с правовым положением участников гражданского процесса, в том числе с установлением лиц, участвующих в деле» [3, с. 88].

Особое внимание Т.Т. Алиев уделяет вопросу преобразования правового положения участников гражданского процесса, в частности, проблеме замены ненадлежащей стороны. По мнению ученого, «ситуация, когда истец не дает своего согласия на замену ненадлежащего ответчика, является следствием несовершенства ст. 41 ГПК РФ» [3, с. 88].

Значительное место в исследовании Т.Т. Алиева занимает проблема определения процессуального статуса представителя. Ученый приходит к выводу, что «представителя нельзя отнести к лицам, содействующим осуществлению правосудия: представитель наравне с прокурором должен быть отнесен к лицам, участвующим в деле» [3, с. 88].

Заслуживает внимания позиция Т.Т. Алиева относительно правового статуса законного представителя. Автор утверждает, что «о законном представителе можно говорить как о самостоятельном участнике гражданского процесса, поскольку законный представитель чаще всего имеет как личный, так и процессуальный интерес в исходе дела» [3, с. 88].

Критически осмысливая научные взгляды Т.Т. Алиева, нельзя не отметить глубину и системность проведенного им исследования правового статуса участников гражданского процесса. Автор справедливо указывает на существующие коллизии в определении процессуального положения органов опеки и попечительства, что действительно создает сложности в правоприменительной практике. Однако наиболее ценным в работе представляется предложенное решение проблемы процессуальной дееспособности несовершеннолетних через корреляцию с их материально-правовой дееспособностью. Такой подход позволил бы устранить

существующую правовую неопределенность и обеспечить эффективную защиту прав несовершеннолетних в гражданском процессе. Вместе с тем трудно согласиться с позицией автора об отнесении представителя к лицам, участвующим в деле. Подобное изменение процессуального статуса представителя может привести к размыванию границ между различными участниками процесса и породить новые практические проблемы в вопросах представительства. Тем не менее, выявленные автором проблемы правового положения участников гражданского процесса и предложенные пути их решения создают прочную теоретическую основу для дальнейшего совершенствования гражданского процессуального законодательства.

Особого внимания заслуживает анализ правового статуса участников в рамках специальных процессуальных механизмов, в частности, группового производства.

С точки зрения Е.С. Трезубова и Н.С. Звягиной, исследование правового статуса участников группового производства в цивилистическом процессе требует особого внимания к правам и обязанностям лица, обратившегося в суд с требованием о защите интересов группы лиц. Авторы подчеркивают важность процессуальных отношений между судом и истцом-представителем, что определяет возможность совершения процессуальных действий.

По мнению авторов, существенным элементом является то, что «процессуальные отношения возникают на активной стороне только между судом и истцом-представителем, что предопределяет возможность совершения распорядительных действий, доказывания и обжалования судебных актов только лицом, которое ведет дело» [23, с. 1066]. Это обосновывается добровольным присоединением участников к коллективному иску.

Е.С. Трезубов и Н.С. Звягина указывают на то, что отношения внутри группы лиц являются материально-правовыми, что требует применения соответствующих частных материальных механизмов реализации интересов большинства участников. Авторы отмечают: «взаимодействие участников

группы друг с другом находится вне процессуальной формы, это материально-правовые отношения, что предполагает необходимость применения соответствующих цивилистических механизмов коллективного волеизъявления» [23, с. 1074].

Особое внимание авторы уделяют проблеме отказа в сертификации группы после возбуждения производства. Они подчеркивают: «в случае отказа в сертификации группы целесообразно выносить определение о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового или административного судопроизводства» [23, с. 1068].

Исследователи акцентируют внимание на правовом статусе истца-представителя, отмечая, что «истец-представитель несет как конечный риск, так и промежуточные процессуальные риски, но при этом имеет максимальные возможности управления ими» [23, с. 1068].

Важным аспектом, по мнению авторов, является ограниченность прав участников группы. Они указывают: «правовой статус таких лиц определен предельно урезанным объемом процессуальных прав» [23, с. 1072].

Е.С. Трезубов и Н.С. Звягина подчеркивают необходимость установления критерия большинства при принятии решений группой, указывая: «динамика процесса должна ставиться в зависимость от процессуального поведения этих лиц, а не от манипуляций с размером их требований» [23, с. 1075].

Авторы заключают, что «групповое производство должно стать элементом профессионального процесса, в котором действия участников будут основаны на началах состязательности» [23, с. 1076].

По нашему мнению, позиция авторов относительно правового статуса участников гражданского процесса в групповом производстве является обоснованной и логически выверенной. Особенно важным представляется их подход к разграничению процессуальных и материально-правовых отношений между участниками группового иска. Вместе с тем, считаем необходимым отметить, что предложенная авторами модель может быть дополнена более

детальной регламентацией механизмов взаимодействия между участниками группы и истцом-представителем, особенно в части принятия процессуальных решений. Также заслуживает внимания вопрос о дополнительных гарантиях прав участников группы при несогласии с процессуальной позицией истца-представителя.

Анализ правового статуса участников гражданского процесса выявляет многочисленные теоретические и практические проблемы, требующие законодательного разрешения. К числу наиболее значимых относятся: неопределенность процессуального положения отдельных субъектов, в частности взыскателя и должника в приказном производстве, Уполномоченного по правам человека; двойственность статуса прокурора; сложности в определении правового положения представителей и законных представителей; особенности процессуального статуса участников группового производства.

Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего как совершенствование законодательного регулирования, так и развитие правоприменительной практики. Необходимо четкое определение процессуального статуса всех участников гражданского процесса, установление оптимального баланса их прав и обязанностей, создание эффективных механизмов защиты прав и законных интересов в рамках различных видов производства. Особое внимание следует уделить развитию института группового производства и совершенствованию процессуального положения участников коллективных исков, что отвечает современным тенденциям развития гражданского процессуального права.

Представим выводы по первой главе исследования. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что участники гражданского процесса представляют собой систему субъектов процессуальных правоотношений, объединенных по критерию юридической заинтересованности в исходе дела. К основным видам участников относятся лица, участвующие в деле (стороны, третьи лица, прокурор), и лица, содействующие осуществлению правосудия

(эксперты, специалисты, свидетели). Центральное место в системе участников занимают стороны - истец и ответчик, обладающие материально-правовой заинтересованностью в исходе дела и наделенные широким кругом процессуальных прав и обязанностей.

В ходе исследования выявлены существенные проблемы правового регулирования статуса участников процесса, требующие законодательного разрешения. К ним относятся: отсутствие в ГПК РФ упоминания о взыскателе и должнике как участниках приказного производства, неопределенность правового положения Уполномоченного по правам человека, двойственность статуса прокурора, сложности в определении процессуального положения законных представителей несовершеннолетних. Особую актуальность приобретает проблема определения правового статуса участников группового производства, где требуется детальная регламентация механизмов взаимодействия между истцом-представителем и членами группы.

Особенности правового статуса участников гражданского процесса проявляются в дифференциации их процессуальных прав и обязанностей в зависимости от характера заинтересованности в исходе дела и выполняемых функций. Так, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования, наделяются правами истца, тогда как третьи лица без самостоятельных требований обладают ограниченным набором процессуальных прав. Законные представители совмещают материально-правовой и процессуальный статусы, что влияет на объем их полномочий. В групповом производстве истец-представитель наделяется исключительными правами по ведению дела, при этом остальные участники группы имеют ограниченные процессуальные возможности. Эти особенности требуют дальнейшего совершенствования процессуального законодательства для обеспечения эффективной судебной защиты прав всех заинтересованных лиц.

Глава 2 Процедурные аспекты и правовые последствия замены участников процесса

2.1 Способы и последствия замены участников

Институт замены участников в гражданском процессе представляет собой сложный правовой механизм, затрагивающий фундаментальные основы судопроизводства и требующий тщательного теоретического осмысления. Современная доктрина и правоприменительная практика выработали различные подходы к пониманию природы, способов и последствий процессуальной замены, что обусловлено многогранностью данного института и его значимостью для эффективного отправления правосудия. Особую актуальность приобретают вопросы соотношения материального и процессуального правопреемства, механизмы защиты прав участников при осуществлении замены, а также процессуальные особенности изменения субъектного состава судебного разбирательства.

С точки зрения Н.А. Бортниковой, процессуальное правопреемство представляет собой сложный юридический механизм, при котором происходит переход процессуальных прав и обязанностей от одного лица к другому в связи с материальным правопреемством. При этом автор подчеркивает, что «процессуальное правопреемство обусловлено правопреемством в материальном правоотношении, которое является общим предметом системы процессуальных отношений» [6].

Н.А. Бортникова указывает на существенное различие между универсальным и сингулярным правопреемством в контексте замены участников процесса. «Материальное правопреемство может быть общим (универсальным), когда от правопредшественника к правопреемнику переходит весь объем субъективных прав и обязанностей, но может быть и частным (сингулярным), если правопредшественник передает правопреемнику часть своих прав или обязанностей» [6].

Особое внимание автор уделяет правовым последствиям замены участников, отмечая, что «все действия, совершенные до вступления правопреемника в процесс, обязательны для него в той мере, в какой они были бы обязательны для лица, которое правопреемник заменил» [6]. Это положение имеет принципиальное значение для обеспечения процессуальной экономии и стабильности судопроизводства.

В контексте процедуры замены Н.А. Бортникова подчеркивает, что «для процессуального правопреемства требуется специальное судебное постановление, без которого процессуальное правопреемство не может состояться» [6]. Данное требование обеспечивает формальную определенность и законность процедуры замены участников.

Принципиально важным является положение о том, что «процессуальное правопреемство допустимо во всех случаях, когда происходит и возможно правопреемство в материальных правоотношениях, независимо от того, являются правоотношения обязательственными или абсолютными (вещными)» [6]. Это расширяет сферу применения института процессуального правопреемства.

С точки зрения Н.А. Бортниковой, особую роль играет момент возникновения правопреемства: «если материальное правопреемство имело место до возбуждения дела в суде, а в суд обратилось лицо, которое более не обладает субъективным гражданским правом, процессуальное правопреемство невозможно» [6].

Анализируя научный подход Н.А. Бортниковой к проблематике способов и последствий замены участников процесса, следует признать глубину и системность проведенного исследования. Автор убедительно обосновывает неразрывную связь материального и процессуального правопреемства, однако некоторые аспекты требуют дополнительного осмысления. В частности, вопрос о необходимости волеизъявления правопреемника при универсальном правопреемстве недостаточно раскрыт с точки зрения баланса публичных и частных интересов. Также заслуживает

критического осмысления позиция автора о безусловной обязательности для правопреемника всех процессуальных действий, совершенных правопреемником - представляется, что в отдельных случаях это может приводить к нарушению права на справедливое судебное разбирательство, особенно если правопреемник действовал недобросовестно. Тем не менее, предложенная автором концепция дифференциации порядка замены участников в зависимости от вида материального правопреемства имеет существенное теоретическое и практическое значение для развития процессуального законодательства и судебной практики.

Рассмотрев общие теоретические основы процессуального правопреемства, целесообразно обратиться к специфическому механизму обратного правопреемства, который представляет особый научный и практический интерес.

По мнению Д.В. Носова, при рассмотрении способов и последствий замены участников в гражданских правоотношениях ключевую роль играет концепция обратного правопреемства, которая представляет собой особый механизм защиты гражданских прав. Автор подчеркивает, что данный феномен практически не изучен в российском гражданском праве, хотя имеет существенное значение для восстановления нарушенных прав.

С точки зрения Д.В. Носова, обратное правопреемство возникает исключительно в правоотношениях, где ранее произошла замена субъектов в результате прямого правопреемства. При этом ученый отмечает: «под правопреемством следует понимать свойство правоотношений, представляющее собой не связанное с личностью субъекта правоотношения и не запрещенное законодательством изменение субъектного состава правоотношения» [13, с. 12].

Исследователь акцентирует внимание на том, что обратное правопреемство выступает самостоятельным видом правопреемства, имеющим специфические характеристики. В частности, Д.В. Носов указывает на ограниченный круг лиц, которые могут стать обратными

правопреемниками - только те, кто ранее участвовал в прямом правопреемстве.

Анализируя последствия замены участников, автор подчеркивает, что «обратное правопреемство приводит к полному (при универсальном обратном правопреемстве) либо частичному (при сингулярном обратном правопреемстве) восстановлению положения, существовавшего до прямого (первоначального) правопреемства» [13, с. 12]. При этом происходит восстановление прежнего статуса субъектов правоотношения.

Важным аспектом исследования Д.В. Носова является указание на то, что механизм обратного правопреемства может быть применен только в случаях, прямо предусмотренных гражданским законодательством. Это обусловлено необходимостью обеспечения стабильности гражданского оборота.

С позиции автора, обратное правопреемство служит эффективным инструментом при реализации таких способов защиты гражданских прав, как признание недействительности сделок, реорганизации корпорации, завещания и наследственного договора. «Изучение механизма обратного правопреемства может помочь при исследовании таких институтов гражданского права, которые направлены на возврат сторон в первоначальное положение» [13, с. 12].

Д.В. Носов убедительно доказывает необходимость дальнейшего исследования обратного правопреемства через призму отдельных институтов гражданского права, что позволит более детально изучить проблемы такого правоприобретения.

По нашему мнению, научная позиция Д.В. Носова имеет существенное значение для развития современной цивилистической доктрины, поскольку предложенная им концепция обратного правопреемства заполняет значимый пробел в теории гражданского права. Особую ценность представляет систематизация признаков обратного правопреемства и обоснование его самостоятельного характера среди способов защиты нарушенных прав.

Вместе с тем полагаем, что для полноценного внедрения данного механизма в правоприменительную практику требуется более детальная проработка процедурных аспектов его реализации, включая четкое определение оснований для инициирования обратного правопреемства, временных рамок его осуществления и порядка разрешения возможных коллизий с правами добросовестных третьих лиц. Кроме того, представляется перспективным исследование возможности применения механизма обратного правопреемства в корпоративных отношениях при оспаривании решений общих собраний акционеров и в других сферах гражданского оборота, где существует потребность в эффективном восстановлении нарушенных прав участников правоотношений.

После анализа доктринальных подходов к правопреемству логично перейти к рассмотрению конкретных процессуальных механизмов замены участников, закрепленных в действующем законодательстве и разъясненных высшей судебной инстанцией.

В гражданском процессе вопрос о замене участников судебного разбирательства является одним из ключевых аспектов подготовки дела к судебному разбирательству. Законодатель предусматривает различные механизмы такой замены, учитывая принцип диспозитивности и процессуальные права сторон. Особое значение имеет институт замены ненадлежащего ответчика, который регламентируется с учетом интересов всех участников процесса.

Верховный Суд РФ разъясняет, что «если при подготовке дела судья придет к выводу, что иск предъявлен не к тому лицу, которое должно отвечать по иску, он с соблюдением правил статьи 41 ГПК РФ по ходатайству ответчика может произвести замену ответчика» [14]. При этом важно отметить, что такая замена возможна исключительно по ходатайству или с согласия истца, что подчеркивает диспозитивный характер данного процессуального действия.

Существенным процессуальным последствием замены ненадлежащего ответчика является то, что «после замены ненадлежащего ответчика

подготовка дела проводится с самого начала» [14]. Данное требование обеспечивает полноту и всесторонность судебного разбирательства с участием надлежащего ответчика. В случае несогласия истца на замену ненадлежащего ответчика другим лицом, процесс продолжается по первоначально заявленному иску.

Особого внимания заслуживает вопрос о процессуальных последствиях замены ответчика с точки зрения подсудности дела. Как указывает Пленум Верховного Суда РФ, «дело может рассматриваться тем же судом, если с учетом нового ответчика его подсудность не изменилась» [14]. В противном случае, руководствуясь конституционным принципом о рассмотрении дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, дело подлежит передаче в соответствующий суд.

Процессуальное законодательство предусматривает особый порядок оформления замены участников процесса. «Замену ненадлежащего ответчика и действия, связанные с заменой, необходимо отразить в протоколе» [14], при этом протокол должен соответствовать требованиям статей 229 и 230 ГПК РФ. Все процессуальные действия по замене участников осуществляются по правилам статьи 152 ГПК РФ.

Важно отметить позицию Верховного Суда РФ относительно привлечения соответчиков: «при предъявлении иска к части ответчиков суд не вправе по своей инициативе и без согласия истца привлекать остальных ответчиков к участию в деле в качестве соответчиков» [14]. Исключением является ситуация, когда рассмотрение дела без участия соответчика невозможно в связи с характером спорного правоотношения. В таком случае суд обязан мотивировать свое решение о привлечении соответчика в соответствующем определении.

Система процессуальных гарантий при замене участников процесса включает обязательное извещение новых участников о производстве по делу. В частности, «копия искового заявления направляется привлеченным лицам» [14], что обеспечивает реализацию их права на защиту и участие в

процессе. Данное требование является неотъемлемым элементом справедливого судебного разбирательства и обеспечивает соблюдение принципа состязательности процесса.

Установленные законодательством и разъясненные Верховным Судом РФ правила замены участников процесса требуют детального рассмотрения роли суда в этом процессе.

С точки зрения О.А. Рябус, изменение процессуального положения участников дела представляет собой сложный процессуальный механизм, требующий последовательного совершения ряда действий как со стороны суда, так и иных лиц, чье волеизъявление направлено на такое изменение.

Автор подчеркивает особую роль суда в процессе замены участников, отмечая, что «действия суда обязательны в том смысле, что суд не только может, но, при наличии указанных в законе условий, должен совершать их, потому что его права являются вместе с тем и обязанностями» [21, с. 211]. При этом деятельность суда не является полностью самостоятельной, поскольку обусловлена принципами диспозитивности и состязательности.

О.А. Рябус акцентирует внимание на том, что замена участников процесса требует от суда совершения как логической, так и фактической деятельности. «Во-первых, правильное определение состава субъектов спорного материального правоотношения; во-вторых, учет возможного наличия субъектов других материальных правоотношений, находящихся в тесной взаимосвязи со спорным материальным правоотношением; в-третьих, извещение и/или привлечение в процесс указанных лиц» [21, с. 212].

Существенным аспектом, по мнению автора, является то, что решение вопроса об изменении процессуального положения лиц в значительной степени предопределяется на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. На этом этапе суд производит анализ имеющихся правоотношений и совершает ряд процессуальных действий.

О.А. Рябус указывает на обязательность закрепления изменения процессуального положения в форме судебного определения. «Суд обязан

закреплять в письменной форме свои действия, чтобы обеспечить возможность проверки их правомерности высшими инстанциями» [21, с. 213].

Автор подчеркивает, что после вынесения определения об изменении процессуального статуса возникает необходимость совершения дальнейших процессуальных действий, предусмотренных законодательством. «Не менее важной является и обязанность суда разъяснить процессуальные права лицу, чье процессуальное положение было изменено в ходе рассмотрения дела» [21, с. 215].

О.А. Рябус приходит к выводу, что активность суда в процессе замены участников «восполняет распорядительную волю сторон и приводит ее в соответствие с действительными правами и интересами сторон» [21, с. 215].

Анализируя научные воззрения О.А. Рябус, следует признать их значительную теоретическую и практическую ценность, особенно в части системного исследования процессуальных действий суда при замене участников процесса. Вместе с тем, на наш взгляд, автор, сосредоточившись на формальной процедуре замены, оставил без должного внимания вопросы защиты процессуальных прав заменяемых участников. В частности, требует дополнительного исследования проблема обеспечения права на судебную защиту лица, исключаемого из процесса в результате замены, а также механизмы оспаривания определения о процессуальной замене. Кроме того, представляется недостаточно разработанным вопрос о последствиях необоснованной замены участника процесса для юридической силы принятого судебного решения. Эти аспекты имеют принципиальное значение для обеспечения эффективности правосудия и требуют дальнейшего научного осмысления.

Исследовав общие вопросы процессуального положения участников дела и роли суда в их замене, необходимо обратиться к специфической проблеме замены самих судей как особых субъектов процессуальных отношений.

С точки зрения Э.И. Авербаха, проблема замены судей в гражданском процессе приобрела особую актуальность после принятия Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 179-ФЗ. Автор подчеркивает, что данная новелла существенно изменила подход к процедуре замены участников судебного процесса, в частности судей.

В своем исследовании Э.И. Авербах акцентирует внимание на том, что законодатель установил четкие основания для замены судьи, что нашло отражение в части 5 статьи 14 ГПК РФ. «Замена судьи или нескольких судей возможна в случае: заявленного и удовлетворенного самоотвода или отвода судьи; длительного отсутствия судьи ввиду болезни, отпуска, учебы или служебной командировки; прекращения или приостановления полномочий судьи по основаниям, предусмотренным федеральным законом; перехода к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства» [1, с. 36].

Принципиальным моментом, на который указывает Э.И. Авербах, является обязательность нового рассмотрения дела с самого начала в случае замены судьи. При этом автор отмечает, что техническое распределение поступивших дел может создавать определенные сложности, особенно в ситуациях, связанных с пересмотром дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Э.И. Авербах на основе анализа собственной практики приходит к выводу о необходимости дополнительной регламентации процедуры замены судьи при пересмотре дел. «Суд, пересматривающий по новым или вновь открывшимся обстоятельствам вступившее в законную силу судебное постановление, должен рассмотреть гражданское дело с самого начала в случае замены судьи» [1, с. 36].

Особое внимание автор уделяет проблеме отсутствия четкой регламентации замены судей до введения в действие Закона № 179-ФЗ, что создавало существенные процессуальные сложности при рассмотрении дел. «Возможность и порядок замены судей, возникающие в судебной практике, не были регламентированы до введения в действие Закона № 179-ФЗ» [1, с. 36].

Э.И. Авербах подчеркивает необходимость внесения дополнений в статью 393 ГПК РФ, которые бы четко регламентировали процедуру рассмотрения дела при замене судьи, независимо от доводов заявителя. Автор также предлагает расширить действие части 6 статьи 14 ГПК РФ на случаи пересмотра окончанных гражданских дел.

Значимым аспектом исследования является анализ взаимосвязи общих положений ГПК РФ с процедурой замены судей во всех судебных инстанциях. «Правила разд. I 'Общие положения' распространяются и обязательны для производства по разрешению гражданских дел во всех указанных инстанциях» [1, с. 36].

По нашему мнению, позиция Э.И. Авербаха заслуживает поддержки в части необходимости более детальной регламентации процедуры замены судей. Однако считаем необходимым отметить, что предложенные автором изменения в законодательство могут потребовать дополнительной проработки механизмов их реализации, особенно в части обеспечения процессуальной экономии при новом рассмотрении дела. Представляется целесообразным также рассмотреть вопрос о введении дополнительных гарантий для участников процесса при замене судьи, в частности, возможность высказать свое мнение относительно необходимости полного повторного рассмотрения дела в каждом конкретном случае.

Анализ научных позиций и правоприменительной практики по вопросам способов и последствий замены участников гражданского процесса позволяет сделать вывод о многоаспектности и комплексном характере данного института. Исследователи единодушны в признании неразрывной связи материального и процессуального правопреемства, что находит отражение как в общих теоретических концепциях Н.А. Бортниковой, так и в специальных исследованиях Д.В. Носова, посвященных обратному правопреемству. Особое значение имеет процессуальный механизм замены участников, детально регламентированный законодательством и получивший развернутое толкование в разъяснениях Верховного Суда РФ. При этом ключевую роль в

обеспечении законности и обоснованности замены играет суд, что убедительно показано в работах О.А. Рябус. Новейшие законодательные изменения, касающиеся порядка замены судей, проанализированные Э.И. Авербахом, свидетельствуют о продолжающемся развитии данного института.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые аспекты замены участников процесса требуют дальнейшего теоретического осмысления и законодательного совершенствования. В частности, актуальными остаются вопросы обеспечения баланса частных и публичных интересов при замене участников, процессуальных гарантий прав заменяемых лиц, механизмов оспаривания судебных актов о замене, а также последствий необоснованной замены для юридической силы принятого решения. Особого внимания заслуживает проблема процессуальной экономии при новом рассмотрении дела в случае замены судьи и возможности дифференциации процедуры в зависимости от стадии процесса и характера заменяемого участника. Решение этих вопросов будет способствовать повышению эффективности правосудия и обеспечению надлежащей защиты прав всех участников гражданского судопроизводства.

2.2 Соотношение материального и процессуального правопреемства в гражданском процессе

Институт правопреемства является одним из фундаментальных элементов гражданского процессуального права, обеспечивающим непрерывность и стабильность правоотношений в случае выбытия их участников. Особую теоретическую и практическую значимость представляет вопрос о соотношении материального и процессуального правопреемства, поскольку их правильное понимание и применение напрямую влияет на эффективность защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота. В современных условиях интенсивного развития экономических

отношений и усложнения форм гражданского оборота данный вопрос приобретает особую актуальность, требуя как глубокого теоретического осмысления, так и выработки эффективных механизмов практической реализации. При этом особого внимания заслуживает проблема обеспечения баланса интересов всех участников правоотношений при осуществлении правопреемства, а также создания надежных правовых гарантий защиты их прав на всех стадиях гражданского процесса.

С точки зрения В.Г. Алейниченко, вопрос соотношения материального и процессуального правопреемства является одним из наиболее дискуссионных в теории гражданского процесса. Автор проводит глубокий исторический анализ научных подходов к данной проблеме, отмечая существование противоположных позиций в научном сообществе.

По мнению В.Г. Алейниченко, исторически сложились две основные концепции. Первая, представленная И.Э. Энгельманом, рассматривает процессуальное правопреемство как самостоятельный институт, не зависящий от правопреемства в материальном праве. «Процессуальное правопреемство не является производным институтом от правопреемства в гражданском праве» [2, с. 149].

Противоположная позиция, которую разделяет В.Г. Алейниченко, была сформулирована А.Х. Гольмстенем. Согласно данному подходу, «в результате перехода материальных прав и обязанностей на основании универсального или сингулярного правопреемства к правопреемнику автоматически переходят и процессуальные права и обязанности» [2, с. 223].

В.Г. Алейниченко подчеркивает, что современное процессуальное законодательство (ст. 44 ГПК РФ, ст. 48 АПК РФ) закрепляет взаимосвязь материального и процессуального правопреемства. «Процессуальное правопреемство обуславливается правопреемством в материальном праве» [2, с. 124].

Автор отмечает важное практическое значение данного вывода: для оформления процессуального правопреемства суд должен исследовать и

оценить доказательства, подтверждающие наличие правопреемства в материальном праве. При этом В.Г. Алейниченко критикует ограничительное толкование оснований процессуального правопреемства судами.

По мнению В.Г. Алейниченко, перечень оснований процессуального правопреемства в законе не является исчерпывающим. Автор приводит позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой основанием процессуального правопреемства может быть любое изменение субъектного состава спорного материального правоотношения.

В.Г. Алейниченко указывает на необходимость законодательного закрепления открытого перечня оснований процессуального правопреемства путем внесения соответствующих изменений в процессуальные кодексы.

Исследуя специфику процессуального правопреемства при рассмотрении дел о компенсационных выплатах, автор приходит к выводу, что возможность правопреемства зависит от момента смерти правопреемника: «если сторона умерла после вступления решения в законную силу, право требования компенсационной выплаты становится имущественным и входит в наследственную массу» [2, с. 127].

Анализируя научную позицию В.Г. Алейниченко о взаимосвязи материального и процессуального правопреемства, следует признать её теоретическую обоснованность и практическую значимость. Автор убедительно доказывает, что процессуальное правопреемство не может существовать в отрыве от материального правопреемства, поскольку именно материальные правоотношения определяют процессуальную судьбу дела. Принципиально важным является предложение автора о необходимости законодательного закрепления открытого перечня оснований процессуального правопреемства - это позволит судам более гибко подходить к вопросам правопреемства и избежать формального отказа в процессуальном правопреемстве в случаях, когда материальное право очевидно перешло к новому субъекту. Вместе с тем, предложенное автором решение вопроса о процессуальном правопреемстве в делах о компенсационных выплатах, хотя и

является логичным с точки зрения действующего законодательства, оставляет открытым ряд практических вопросов. В частности, требует дополнительного теоретического осмысления и законодательного урегулирования вопрос о судьбе процессуального правопреемства в случае частичного исполнения судебного решения о компенсационных выплатах до смерти правопредшественника, а также проблема определения момента возникновения права на процессуальное правопреемство при обжаловании судебного акта в кассационном и надзорном порядке.

Развивая теоретические положения о соотношении материального и процессуального правопреемства, О.А. Дербишева предлагает свой взгляд на данную проблематику.

По мнению О.А. Дербишевой, материальное и процессуальное правопреемство, хотя и тесно взаимосвязаны, имеют существенные различия в своей правовой природе. Автор подчеркивает, что процессуальное правопреемство всегда следует за материальным правопреемством и невозможно без него, поскольку основой процессуальной преемственности является преемственность в материальных правах и обязанностях.

С точки зрения О.А. Дербишевой, принципиальное значение имеет то, что в материальном праве правопреемство может быть как универсальным (общим), так и сингулярным (частным). «Особенностью общего правопреемства является то, что правопреемник по основаниям, предусмотренным законодательством, занимает место правопредшественника во всех правах и обязанностях, за исключением тех, в которых закон не допускает правопреемство вообще» [10, с. 50].

Исследователь О.А. Дербишева отмечает важную особенность процессуального правопреемства - оно всегда носит универсальный характер по отношению к материальному правопреемству. При этом автор указывает на возможность изменения количественного состава субъектов материального правоотношения: одно лицо может быть заменено несколькими правопреемниками или наоборот.

Принципиально важным, по мнению О.А. Дербишевой, является момент вступления правопреемника в процесс. «Вступление правопреемника в гражданское дело возможно на любой стадии гражданского судопроизводства, т.е. на той стадии, на которой правопреемник выбывает из дела» [10, с. 50]. При этом стадия процесса напрямую влияет на объем прав и обязанностей правопреемника.

О.А. Дербишева подчеркивает особенности правового положения правопреемника в процессе: «Поскольку правопреемник продолжает участие в процессе правопреемника, то все действия, в том числе распорядительные, совершенные в процессе правопреемником до вступления в дело правопреемника, обязательны для последнего» [10, с. 50].

С позиции О.А. Дербишевой, существенным отличием процессуального правопреемства является невозможность одновременного участия в деле правопреемника и правопреемника по конкретному исковому требованию, в то время как в материальном праве такая ситуация допустима.

Автор О.А. Дербишева приходит к фундаментальному выводу о том, что «гражданское процессуальное правопреемство в отличие от гражданского правопреемства может быть только общим (универсальным), так как правопреемник полностью заменяет собой правопреемника во всем объеме его процессуальных прав и обязанностей» [10, с. 50].

По нашему мнению, позиция О.А. Дербишевой относительно соотношения материального и процессуального правопреемства заслуживает поддержки в части признания универсального характера процессуального правопреемства. Однако представляется, что автор недостаточно внимания уделила вопросу процессуальных гарантий прав правопреемника при его вступлении в процесс на поздних стадиях судопроизводства. В частности, требует дополнительного исследования вопрос о возможности пересмотра промежуточных процессуальных решений, принятых до вступления правопреемника в процесс, если они существенно затрагивают его права и законные интересы.

С точки зрения О.Ю. Фоминой, процессуальное правопреемство имеет неразрывную связь с материальным правом, поскольку именно материально-правовые отношения определяют возможность и необходимость замены стороны в процессе. При этом автор подчеркивает, что «институт процессуального правопреемства основан на правопреемстве гражданско-правовом» [24, с. 139].

Исследователь отмечает, что процессуальное правопреемство возникает в случаях, когда происходит переход прав и обязанностей в материальном правоотношении. В частности, автор указывает, что «лицо вступает в гражданское дело в качестве процессуального правопреемника, а иногда оно должно это сделать в обязательном порядке, если к нему в соответствии со сложившимися материальными правоотношениями перешли права и обязанности правопреемника» [24, с. 139].

О.Ю. Фомина проводит важное разграничение между универсальным и сингулярным правопреемством в материальном праве, подчеркивая, что процессуальное правопреемство может быть только универсальным. По ее мнению, «материальное правопреемство может быть как универсальным (при наследовании, ликвидации юридического лица), так и сингулярным (переход отдельного субъективного права или обязанности)» [24, с. 139].

Существенным аспектом исследования является вывод автора о том, что процессуальное правопреемство невозможно в случаях, когда требование неразрывно связано с личностью правопреемника. «Если предъявленное требование неразрывно связано с личностью правопреемника, процессуальное правопреемство исключено» [24, с. 140].

О.Ю. Фомина обращает внимание на особенности процессуальных правоотношений в отличие от материальных, указывая, что «процессуальные правоотношения возникают и существуют только между судом, рассматривающим дело, и любым другим участником процесса» [24, с. 139].

Важное место в исследовании занимает анализ волеизъявления участников процесса при правопреемстве. Автор критически оценивает существующее правовое регулирование, отмечая, что «основывать процессуальное правопреемство исключительно на правопреемстве материальном, не учитывая волеизъявление лиц, участвующих в деле, неверно» [24, с. 141].

О.Ю. Фомина подчеркивает необходимость своевременного развития процессуального законодательства в соответствии с изменениями в материальном праве. По мнению автора, «процесс всегда должен обладать необходимым набором инструментов, который обеспечивал бы эффективную защиту нарушенных или оспариваемых субъективных прав и охраняемых законом интересов» [24, с. 141].

В заключение исследователь формулирует задачу законодателя: «своевременное создание необходимых инструментов, позволяющих процессуальному правопреемству в полной мере соответствовать динамично развивающемуся правопреемству материальному» [24, с. 141].

Анализируя научную позицию О.Ю. Фоминой, следует согласиться с ее фундаментальным выводом о необходимости модернизации института процессуального правопреемства в гражданском процессе. Действительно, современное процессуальное законодательство требует более гибких механизмов регулирования правопреемства, учитывающих как материально-правовую природу перехода прав, так и процессуальные особенности замены стороны в процессе. Вместе с тем позиция автора представляется несколько односторонней в части чрезмерного акцента на учете волеизъявления участников процесса при правопреемстве. Полагаем, что при решении вопроса о процессуальном правопреемстве необходимо в первую очередь исходить из фундаментального принципа баланса частных и публичных интересов в гражданском процессе. Воля участников процесса, безусловно, должна учитываться, но не может иметь определяющего значения в ущерб задачам правильного и своевременного рассмотрения дела. Кроме того, требует

дополнительного теоретического осмысления проблема допустимости процессуального правопреемства при сингулярном материальном правопреемстве. В частности, представляется необходимым разработать четкие критерии, позволяющие определить случаи, когда частичный переход материальных прав может служить основанием для процессуального правопреемства без ущерба для целостности процесса и интересов других участников судопроизводства.

Переходя от теоретических аспектов к практическим проблемам реализации института правопреемства, целесообразно рассмотреть позицию А.В. Аранчал и А.И. Маады относительно особенностей правопреемства в исполнительном производстве.

С точки зрения А.В. Аранчал и А.И. Маады, институт перемены лиц в обязательстве приобретает особую актуальность как в экономическом обороте России, так и в исполнительном производстве при исполнении судебных решений. При этом авторы отмечают существенное отставание законодательного регулирования в данной сфере, что проявляется не только в системе совершенствования института перемены лиц в обязательстве, но и в правоприменительной практике.

Исследователи подчеркивают, что «в судебной практике также до настоящего времени отсутствует единый подход к проблемам, связанным с переменой лиц в обязательстве, с определением природы сделок уступки права требования и их последствий для сторон этих сделок, должника и третьих лиц» [4, с. 1070]. Такая ситуация, по их мнению, создает серьезные правовые противоречия, препятствующие нормальному развитию экономических отношений.

А.В. Аранчал и А.И. Маады акцентируют внимание на том, что процессуальное правопреемство представляет собой переход процессуальных прав и обязанностей от одного лица к другому в связи с материальным правопреемством. При этом они указывают, что «основанием процессуального правопреемства при уступке требования является именно

договор уступки требования безотносительно к юридической действительности основного обязательства» [4, с. 1071].

Особое внимание авторы уделяют проблеме определения компетентного органа для установления процессуального правопреемства. Они отмечают неоднозначность решения вопроса о том, кто должен устанавливать процессуальное правопреемство - суд или судебный пристав-исполнитель.

По мнению исследователей, «судебный пристав-исполнитель самостоятельно не может определить правопреемника стороны в исполнительном производстве» [4, с. 1073]. Это осуществляется в порядке, установленном федеральным законом, судом, если исполнительный документ выдан последним.

А.В. Аранчал и А.И. Маады подчеркивают, что процесс исполнения при замене одной из сторон правопреемником продолжается, а не начинается заново, поскольку «для правопреемника обязательны все действия, совершенные до его вступления в исполнительное производство, в той мере, в какой они были бы обязательны для его правопреемника» [4, с. 1073].

Авторы приходят к выводу, что процессуальное правопреемство предполагает замену одной стороны другим лицом в связи с их выбытием из процесса, при этом к правопреемнику переходят как материальные права и обязанности, так и процессуальные правоотношения.

Анализируя научную позицию авторов, следует признать обоснованность их выводов относительно взаимосвязи материального и процессуального правопреемства. По нашему мнению, особенно важным является акцент исследователей на необходимости судебного контроля при установлении процессуального правопреемства, что обеспечивает дополнительные гарантии защиты прав всех участников правоотношений. Однако считаем необходимым дополнить, что для совершенствования механизма правопреемства требуется более детальная регламентация процедуры взаимодействия между судом и службой судебных приставов при решении вопросов о замене стороны в исполнительном производстве.

Проведенный анализ научных позиций относительно соотношения материального и процессуального правопреемства позволяет выявить их существенные различия при тесной взаимосвязи. Если материальное правопреемство может носить как универсальный, так и сингулярный характер, то процессуальное правопреемство всегда является универсальным, предполагая полный переход процессуальных прав и обязанностей к правопреемнику. При этом процессуальное правопреемство невозможно без материального, поскольку именно последнее служит его основанием.

Особое значение приобретает практическая реализация института правопреемства в современных условиях, требующая совершенствования законодательного регулирования и унификации правоприменительной практики. Ключевыми направлениями развития данного института должны стать: детализация процессуальных гарантий прав правопреемника при его вступлении в процесс на различных стадиях судопроизводства, уточнение механизма взаимодействия судебных органов и службы судебных приставов при решении вопросов о процессуальном правопреемстве, а также выработка единообразного подхода к определению природы и последствий сделок, влекущих перемену лиц в обязательстве.

Представим выводы по второй главе исследования.

В результате проведенного исследования установлено, что замена участников в гражданском процессе реализуется через сложный правовой механизм, включающий как материальное, так и процессуальное правопреемство. При этом процессуальное правопреемство, в отличие от материального, носит исключительно универсальный характер и возможно только при наличии соответствующего правопреемства в материальном правоотношении. Особое значение приобретает институт обратного правопреемства, который служит эффективным инструментом защиты гражданских прав при признании недействительности сделок, реорганизации корпораций и оспаривании наследственных отношений.

Существенную роль в процедуре замены участников играет суд, который обязан не только проверить наличие оснований для правопреемства, но и обеспечить соблюдение процессуальных гарантий всех участников процесса. При этом замена ненадлежащего ответчика возможна исключительно по ходатайству или с согласия истца, что подчеркивает диспозитивный характер данного процессуального действия. Важно отметить, что после замены участника процесса все действия, совершенные до вступления правопреемника, сохраняют обязательную силу в той мере, в какой они были обязательны для правопреемника, что обеспечивает процессуальную экономию и стабильность судопроизводства. Законодательные новеллы, касающиеся замены судей, существенно изменили подход к данной процедуре, установив четкие основания и последствия такой замены, включая обязательность нового рассмотрения дела с самого начала.

Глава 3 Проблемы и практические аспекты замены участников процесса

3.1 Практические аспекты замены сторон в гражданском процессе: судебная практика

Институт замены сторон в гражданском процессе представляет собой важный процессуальный механизм, обеспечивающий эффективное и правильное рассмотрение гражданских дел. Практическое применение данного института требует от судов тщательного анализа как процессуальных, так и материально-правовых аспектов каждого конкретного дела. Рассмотрение актуальной судебной практики позволяет выявить основные тенденции и особенности реализации процессуального правопреемства и замены ненадлежащей стороны в современном гражданском судопроизводстве.

По мнению Н.В. Квициния и Э.О. Осадченко, институт замены сторон в гражданском процессе является одним из важнейших процессуальных механизмов, обеспечивающих законность и обоснованность судебного решения. Авторы подчеркивают, что действующее законодательство допускает замену только ненадлежащего ответчика, в то время как замена истца процессуально невозможна.

С точки зрения исследователей, возникают существенные проблемы при определении процессуального статуса сторон в гражданском процессе. Как отмечают авторы, «истец – это лицо, которое предположительно является обладателем нарушенного либо оспариваемого права, либо охраняемого законом интереса, а ответчик – это предположительный нарушитель права истца» [11, с. 145].

Н.В. Квициния и Э.О. Осадченко обращают особое внимание на то, что суды иногда допускают грубые нарушения процессуального законодательства, производя замену истца или изменяя его процессуальный

статус на ответчика. Авторы подчеркивают: «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации не предусматривает возможности замены стороны истца и, тем более, изменение процессуального статуса истца на ответчика» [11, с. 145].

Исследователи акцентируют внимание на историческом аспекте данного вопроса, указывая, что в ГПК РСФСР 1964 года предусматривалась возможность замены как ненадлежащего ответчика, так и ненадлежащего истца. Однако современное процессуальное законодательство такой возможности не предусматривает.

С позиции авторов, особую проблему представляет ситуация, когда представитель по доверенности приобретает статус истца. Они подчеркивают: «Согласно ст. 3 ГПК РФ разрешает обращаться в суд лишь заинтересованным лицам, а также лицам, которым закон прямо предоставляет право защищать от своего имени чужие права и охраняемые законом интересы» [11, с. 145].

По мнению Н.В. Квициния и Э.О. Осадченко, при предъявлении иска ненадлежащим истцом единственно возможным процессуальным решением является отказ в удовлетворении иска. Авторы отмечают: «От правильного определения надлежащей стороны в гражданском процессе зависит в конечном итоге законное и обоснованное решение суда» [11, с. 146]. Соглашаясь с позицией авторов, считаем необходимым подчеркнуть, что проблема определения надлежащей стороны в гражданском процессе требует дальнейшего законодательного совершенствования. Представляется целесообразным внести дополнения в ГПК РФ, четко регламентирующие процессуальные последствия участия в деле ненадлежащего истца и конкретизирующие механизмы защиты прав добросовестных участников гражданского оборота. Кроме того, важно разработать единообразную судебную практику по вопросам определения надлежащей стороны в гражданском процессе, что позволит избежать противоречивых судебных решений и обеспечить эффективную защиту нарушенных прав.

Теоретические положения, сформулированные в научной доктрине, находят свое практическое подтверждение в материалах актуальной судебной практики. Представляется целесообразным рассмотреть практический пример процессуальной замены стороны в гражданском процессе на основании материалов судебной практики Абдулинского районного суда Оренбургской области. В рамках гражданского дела по иску Банка ВТБ (ПАО) о взыскании задолженности по кредитному договору суд столкнулся с необходимостью процессуальной замены ответчика в связи с его смертью [16].

Первоначально иск был подан к физическому лицу - заемщику по кредитному договору. Однако в ходе рассмотрения дела выяснилось, что ответчик погиб при исполнении воинского долга в ходе специальной военной операции. Данное обстоятельство потребовало от суда осуществления процессуальной замены стороны в порядке процессуального правопреемства. Суд определением произвел замену ответчика на его правопреемников - наследников первой очереди. При этом, учитывая наличие несовершеннолетнего наследника, суд корректно указал в качестве стороны процесса законного представителя несовершеннолетнего.

Особого внимания заслуживает тот факт, что суд не ограничился простой заменой стороны на очевидных наследников, но также привлек к участию в деле в качестве соответчика Территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом. Данное процессуальное решение было обусловлено необходимостью проверки наличия выморочного имущества и демонстрирует комплексный подход суда к обеспечению полноты рассмотрения дела.

В процессе рассмотрения дела суд столкнулся с ситуацией, когда один из правопреемников не мог быть надлежащим образом извещен о процессе в связи с отсутствием сведений о его местонахождении. В данной ситуации суд реализовал положения статьи 50 ГПК РФ, назначив адвоката в качестве представителя ответчика, место жительства которого неизвестно, что обеспечило соблюдение принципа состязательности процесса.

Рассмотренный пример демонстрирует, что институт процессуального правопреемства в гражданском процессе требует от суда не только формального определения круга правопреемников, но и принятия комплекса процессуальных мер для обеспечения их надлежащего участия в процессе. Особую значимость приобретает необходимость проверки наличия выморочного имущества и привлечения к участию в деле соответствующих государственных органов, а также обеспечение представительства правопреемников, местонахождение которых неизвестно.

Научно-практическая ценность данного судебного акта заключается в демонстрации алгоритма процессуальных действий суда при замене стороны в случае смерти ответчика, включающего не только определение круга правопреемников, но и обеспечение их надлежащего участия в процессе, что способствует реализации принципов гражданского процесса и защите прав всех заинтересованных лиц.

Если рассмотренный пример демонстрирует особенности процессуального правопреемства при смерти ответчика, то не менее интересным представляется анализ ситуации, когда процессуальное правопреемство осуществляется в связи со смертью истца.

В рассматриваемом деле гражданин обратился в суд с иском к СПАО «Ингосстрах» о взыскании страхового возмещения, компенсации морального вреда и штрафа в связи с ненадлежащим исполнением страховщиком обязательств по договору ОСАГО. В ходе рассмотрения дела истец скончался, что потребовало процессуального правопреемства [18].

Суд, руководствуясь процессуальным законодательством, произвел замену первоначального истца на его наследников - супругу и сына, принявших наследство, что было подтверждено сведениями нотариуса. Определениями суда от 04 июня 2024 г. и 27 июня 2024 г. была осуществлена процессуальная замена, что позволило продолжить рассмотрение дела по существу с участием правопреемников.

Особый научный интерес представляет подход суда к распределению взыскиваемых сумм между правопреемниками. Суд разделил сумму основного требования (страхового возмещения) поровну между наследниками. При этом судебные расходы, понесенные первоначальным истцом при жизни (оплата услуг эксперта и представителя), были распределены с учетом положений семейного законодательства о совместной собственности супругов: половина суммы была присуждена пережившей супруге как её доля в общем имуществе, а вторая половина разделена между наследниками поровну.

Данное дело также демонстрирует важный процессуальный аспект относительно требований о компенсации морального вреда при замене стороны в порядке правопреемства. Суд отказал в удовлетворении требования о компенсации морального вреда, обосновав отказ тем, что данное требование неразрывно связано с личностью потерпевшего, не входит в состав наследственного имущества и не может переходить по наследству.

Рассмотренный пример из судебной практики позволяет сделать вывод о том, что институт процессуального правопреемства требует от суда дифференцированного подхода к различным требованиям с учетом их правовой природы. При этом суду необходимо принимать во внимание не только нормы процессуального права о правопреемстве, но и материально-правовые положения гражданского и семейного законодательства при определении объема прав, переходящих к правопреемникам, и порядка распределения присужденных сумм между ними.

Дальнейшее изучение судебной практики позволяет рассмотреть более сложные случаи процессуального правопреемства, связанные с наследственными правоотношениями и участием несовершеннолетних лиц.

Рассмотрим показательный пример из судебной практики, демонстрирующий процессуальные особенности замены ненадлежащего ответчика в гражданском процессе. В деле № 2-189/24 от 30 июля 2024 года Ленинского районного суда г. Ярославля истец первоначально предъявила иск

к наследственному имуществу умершего арендатора о возмещении материального ущерба, причиненного пожаром в арендованной квартире. В ходе рассмотрения дела судом была произведена замена ответчика на мать несовершеннолетнего наследника, действующую в его интересах.

Существенным процессуальным аспектом данного дела является то, что суд, установив факт принятия наследства несовершеннолетним сыном умершего арендатора, определил надлежащего ответчика с учетом комплексного применения норм материального права - статей 1175 ГК РФ об ответственности наследников по долгам наследодателя и статьи 1073 ГК РФ об ответственности законных представителей за вред, причиненный несовершеннолетними, не достигшими четырнадцати лет.

Процессуальное решение о замене ответчика было принято судом с учетом того обстоятельства, что наследственное имущество не является самостоятельным субъектом права, а ответственность по обязательствам наследодателя несут принявшие наследство наследники. При этом, поскольку единственным наследником являлся несовершеннолетний, его интересы в процессе представляла мать как законный представитель.

Важно отметить, что процессуальная замена ответчика в данном деле способствовала правильному определению субъектного состава участников процесса и обеспечила возможность вынесения законного и обоснованного решения по существу спора. Представитель нового ответчика признала исковые требования в части, что свидетельствует о достижении целей процессуальной замены - привлечения к участию в деле действительно обязанного лица.

Данное дело демонстрирует, что институт процессуальной замены ненадлежащего ответчика служит эффективным механизмом обеспечения правильного рассмотрения гражданских дел, позволяя суду привести субъектный состав участников процесса в соответствие с характером спорного материального правоотношения. При этом замена ответчика может быть обусловлена не только простой заменой одного лица другим, но и

необходимостью учета сложного юридического состава, включающего наследственные правоотношения и особенности участия в процессе несовершеннолетних лиц [15].

Помимо случаев правопреемства, связанных со смертью физических лиц, особый интерес представляет анализ процессуального правопреемства при реорганизации юридических лиц. Рассмотренное дело представляет собой значимый пример из судебной практики, иллюстрирующий процессуальные особенности замены сторон в гражданском процессе. В деле № 2-728/2024 от 07 августа 2024 года Октябрьский районный суд г. Иваново рассмотрел гражданское дело по иску физического лица к страховой компании о взыскании страхового возмещения и неустойки. Примечательным процессуальным аспектом данного дела является произведенная в ходе разбирательства замена ответчика ООО «Зетта Страхование» на его правопреемника АО «Зетта Страхование», что было оформлено определением суда от 12.07.2024 [19].

Данный случай демонстрирует практическую реализацию положений процессуального законодательства о процессуальном правопреемстве в связи с реорганизацией юридического лица. Особенно важно отметить, что замена ответчика была произведена без приостановления производства по делу, что свидетельствует об эффективном применении процессуальных механизмов, направленных на обеспечение непрерывности судебного разбирательства при сохранении процессуальных прав всех участников процесса.

Существенным аспектом рассматриваемого дела является то, что процессуальное правопреемство не повлияло на материально-правовые требования истца и не изменило предмет спора. Правопреемник (АО «Зетта Страхование») вступил в процесс на той стадии, в которой находилось дело в момент правопреемства, приняв на себя все процессуальные права и обязанности первоначального ответчика.

Анализ данного судебного акта позволяет сделать вывод о том, что институт процессуального правопреемства служит эффективным

инструментом обеспечения непрерывности судебного процесса в случаях реорганизации юридических лиц. Практика показывает, что своевременная и правильно оформленная замена стороны в порядке правопреемства способствует соблюдению принципа процессуальной экономии и не препятствует реализации права на судебную защиту.

Особую научную ценность представляет тот факт, что в рассматриваемом деле процессуальное правопреемство было реализовано в условиях сложного материального спора, включающего требования о взыскании страхового возмещения, неустойки и штрафных санкций. Это демонстрирует универсальность института процессуального правопреемства и его применимость независимо от характера и сложности материально-правовых требований [19].

Отдельного внимания заслуживает практика применения института замены ненадлежащего ответчика в делах о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности. Так примером процессуального порядка замены ненадлежащего ответчика в гражданском судопроизводстве служит дело по иску о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, рассмотренное Тайшетским городским судом Иркутской области. В рамках данного дела истец первоначально предъявил требования к двум ответчикам солидарно, однако в ходе судебного разбирательства была произведена замена ненадлежащего ответчика [20].

Существо спора заключалось в том, что в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине водителя, управлявшего транспортным средством при отсутствии полиса ОСАГО, был причинен материальный ущерб автомобилю истца. Первоначально иск был предъявлен к двум ответчикам, однако в процессе рассмотрения дела выяснилось, что надлежащим ответчиком является именно собственник транспортного средства, что послужило основанием для процессуальной замены.

Особую значимость данному прецеденту придает тот факт, что суд, производя замену ненадлежащего ответчика, руководствовался не только формальными признаками владения транспортным средством, но и материально-правовыми основаниями ответственности, предусмотренными статьей 1079 ГК РФ, согласно которой ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, возлагается на его владельца.

Анализируемое судебное решение демонстрирует практическую реализацию процессуального института замены ненадлежащего ответчика как эффективного механизма обеспечения надлежащего состава лиц, участвующих в деле. При этом суд, производя такую замену, обеспечил соблюдение принципа процессуальной экономии, избежав необходимости предъявления нового иска к надлежащему ответчику.

Данный случай из судебной практики позволяет сделать вывод о том, что институт замены ненадлежащего ответчика служит не только процессуальным целям, но и способствует правильному определению субъекта материальной ответственности, что особенно важно в делах о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности. Кроме того, своевременная замена ненадлежащего ответчика позволяет избежать вынесения решения об отказе в иске по формальным основаниям и способствует реальной защите нарушенных прав истца.

Следует отметить, что данное судебное решение представляет особый интерес для научного исследования, поскольку демонстрирует взаимосвязь материального и процессуального права при решении вопроса о замене ненадлежащего ответчика. В частности, суд основывал свое решение о замене не только на процессуальных нормах, но и учитывал материально-правовые основания ответственности, что свидетельствует о комплексном подходе к применению института замены ненадлежащего ответчика в современной судебной практике.

Завершая анализ судебной практики, рассмотрим пример замены ненадлежащего ответчика в корпоративных правоотношениях,

демонстрирующий особенности определения надлежащей стороны при участии в деле филиалов юридических лиц. В рамках гражданского дела по спору о защите прав потребителей, об обязанности исполнить договор об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям, взыскании неустойки и компенсации морального вреда, первоначально в качестве ответчика был привлечен филиал ПАО «Россети Сибирь»-«Бурятэнерго». В ходе рассмотрения дела определением суда от 07.08.2024 была произведена замена ненадлежащего ответчика филиала ПАО «Россети Сибирь»-«Бурятэнерго» на надлежащего ответчика - ПАО «Россети Сибирь» [17].

Данный пример демонстрирует практическую реализацию положений статьи 41 ГПК РФ о замене ненадлежащего ответчика. В рассматриваемом случае суд установил, что филиал юридического лица не является самостоятельным субъектом гражданских правоотношений и не может выступать в качестве ответчика по делу. Замена ответчика была произведена на юридическое лицо, которое является стороной договора и несет ответственность по обязательствам, вытекающим из него.

Существенным аспектом данного процессуального действия является то, что замена ненадлежащего ответчика была произведена судом в ходе подготовки дела к судебному разбирательству, что соответствует принципу процессуальной экономии и способствует более эффективному рассмотрению дела. После произведенной замены суд смог рассмотреть спор по существу и вынести решение в отношении надлежащего ответчика.

Анализ данного судебного акта позволяет сделать вывод о том, что институт замены ненадлежащей стороны служит важным процессуальным механизмом, обеспечивающим правильное определение субъектного состава участников процесса и эффективную защиту нарушенных прав. При этом своевременная замена ненадлежащего ответчика позволяет избежать вынесения решения в отношении лица, не являющегося надлежащим субъектом спорного правоотношения.

В научном плане рассмотренный пример подтверждает теоретические положения о том, что процессуальный институт замены ненадлежащей стороны является действенным инструментом оптимизации гражданского судопроизводства, способствующим реализации задач гражданского процесса по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданских дел. Особую значимость данный институт приобретает в делах с участием юридических лиц, имеющих сложную организационную структуру, где определение надлежащего ответчика может представлять определенную сложность.

Проанализированная судебная практика свидетельствует о том, что институт замены сторон в гражданском процессе является эффективным процессуальным механизмом, обеспечивающим правильное и своевременное рассмотрение гражданских дел. При этом суды демонстрируют комплексный подход к решению вопроса о процессуальном правопреемстве и замене ненадлежащей стороны, учитывая как процессуальные нормы, так и материально-правовые основания ответственности. Особого внимания заслуживает практика применения данного института в делах с участием несовершеннолетних наследников, при реорганизации юридических лиц, а также в спорах о возмещении вреда.

Выявленные в ходе анализа судебной практики тенденции позволяют сделать вывод о том, что институт замены сторон служит не только процессуальным целям, но и способствует эффективной защите нарушенных прав участников гражданского оборота. Своевременная и правильно оформленная замена стороны позволяет избежать вынесения решений по формальным основаниям, обеспечивает процессуальную экономию и способствует реализации основных задач гражданского судопроизводства. При этом суды проявляют гибкость в применении данного института, адаптируя его к особенностям конкретных правоотношений и специфике участвующих в деле субъектов.

3.2 Рекомендации по совершенствованию законодательства

Совершенствование законодательства в сфере процессуального регулирования замены ненадлежащей стороны и процессуального правопреемства представляет собой одну из актуальных задач развития современного гражданского процессуального права. Существующие пробелы и коллизии в правовом регулировании данных институтов создают значительные трудности как для судов, так и для участников процесса, что может приводить к затягиванию судебного разбирательства и нарушению баланса интересов сторон. Особую значимость приобретает необходимость комплексного реформирования законодательства с учетом накопленного практического опыта и теоретических разработок в данной области. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть основные направления совершенствования процессуального законодательства в части регулирования института замены ненадлежащей стороны и смежных процессуальных институтов.

С точки зрения О.А. Дербишевой, ключевой проблемой в современном гражданском процессуальном законодательстве является его преимущественная ориентация на защиту интересов истца, что подтверждается отсутствием в законе понятия «ненадлежащий истец». Автор подчеркивает, что «суд при рассмотрении отдельных категорий дел испытывает трудности в определении надлежащего ответчика» [9, с. 162].

По мнению О.А. Дербишевой, существенным аспектом проблемы является то, что «возможность замены ненадлежащего ответчика возникает только по ходатайству истца, в котором определен надлежащий ответчик» [9, с. 164]. Исследователь акцентирует внимание на том, что суд не вправе по собственной инициативе производить такую замену, поскольку это нарушает принцип диспозитивности гражданского процесса.

В своем анализе О.А. Дербишева указывает на проблематичность объединения в ст. 33 ГПК двух процессуальных институтов: замены

ненадлежащего ответчика и привлечения соответчиков. Автор отмечает, что «возможность привлечения к участию в деле другого лица в качестве соответчика была оправданной до внесения изменений в ч. 1 ст. 33 ГПК» [9, с. 164].

Исследователь обращает особое внимание на ситуации, когда «в качестве ненадлежащего ответчика выступает лицо, которое должно участвовать в деле как третье лицо на стороне ответчика» [9, с. 165]. В таких случаях автор считает нецелесообразным полное устранение ненадлежащего ответчика из процесса.

О.А. Дербишева подчеркивает важность учета мнения ненадлежащего ответчика, указывая, что «даже если истец дает согласие на выбытие ненадлежащего ответчика из процесса, суды должны учитывать мнение последнего» [9, с. 165-166].

С позиции О.А. Дербишевой, особую значимость имеет вопрос о возможности суда отказать в удовлетворении ходатайства истца о замене ненадлежащего ответчика. Автор приходит к выводу, что «если истец обнаружил соответствующее желание, то суд вынужден, следуя принципу диспозитивности, удовлетворить такое ходатайство» [9, с. 166].

Исследователь акцентирует внимание на необходимости соблюдения баланса интересов всех участников процесса, отмечая, что «суд обязан разъяснить истцу последствия совершения такого процессуального действия» [9, с. 166].

Автор предлагает решение проблемы через предоставление суду полномочий «по инициативе ненадлежащего ответчика привлечь его к участию в деле в статусе третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора» [9, с. 166].

О.А. Дербишева заключает, что необходимо внесение изменений в действующее законодательство, направленных на более четкое регулирование процедуры замены ненадлежащего ответчика и защиту прав всех участников процесса.

На наш взгляд, научная позиция О.А. Дербишевой относительно совершенствования института замены ненадлежащей стороны в гражданском процессе имеет существенное теоретическое и практическое значение, однако требует определенного переосмысления. В частности, автор справедливо указывает на проблему защиты прав ненадлежащего ответчика, но при этом недостаточно внимания уделяет вопросу процессуальной экономии и эффективности судопроизводства. Представляется, что предложенный механизм привлечения ненадлежащего ответчика в качестве третьего лица может в некоторых случаях необоснованно усложнять процесс и увеличивать сроки рассмотрения дела. Более целесообразным видится установление в законодательстве четкого алгоритма предварительной проверки обоснованности требований о замене ненадлежащего ответчика на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Это позволило бы оптимизировать процесс замены стороны и минимизировать риски злоупотребления процессуальными правами, одновременно обеспечивая надлежащую защиту прав всех участников судопроизводства.

Существенной проблемой является отсутствие в законодательстве механизма контроля за добросовестностью действий сторон при процессуальном правопреемстве. Необходимо закрепить в ГПК РФ положения, позволяющие суду отказать в процессуальном правопреемстве при наличии признаков злоупотребления процессуальными правами, в частности, при попытке искусственного изменения подсудности дела или затягивания процесса путем неоднократной уступки права требования. Кроме того, следует согласиться с необходимостью законодательного закрепления института «ненадлежащего истца», что способствовало бы более сбалансированному регулированию процессуальных отношений.

Проанализировав научную позицию О.А. Дербишевой относительно проблем замены ненадлежащей стороны в гражданском процессе, следует отметить, что выявленные автором недостатки правового регулирования требуют комплексного решения. В связи с этим представляется необходимым

рассмотреть конкретные предложения по совершенствованию процессуального законодательства в данной сфере.

Ключевой проблемой является недостаточная регламентация процедуры замены ненадлежащего истца. В отличие от института замены ненадлежащего ответчика, действующее законодательство не предусматривает возможности и механизма замены истца, что создает процессуальный дисбаланс и может приводить к затягиванию судебного разбирательства. Представляется целесообразным дополнить ГПК РФ положениями, позволяющими производить замену ненадлежащего истца при условии согласия как первоначального, так и нового истца. При этом необходимо предусмотреть право суда отказать в такой замене, если она направлена на злоупотребление процессуальными правами или затягивание процесса.

Существенной проблемой также является отсутствие в действующем законодательстве механизма предварительной проверки правового статуса лица, привлекаемого в качестве нового ответчика при замене ненадлежащей стороны. Представляется целесообразным дополнить ГПК РФ положениями, обязывающими суд до вынесения определения о замене стороны истребовать доказательства, подтверждающие правовой статус нового участника процесса и его потенциальную способность нести ответственность по заявленным требованиям. Такой механизм позволит избежать многократных замен ответчика и будет способствовать процессуальной экономии.

Другой значимой проблемой является отсутствие четкого механизма процессуального правопреемства при реорганизации юридических лиц в форме выделения или разделения. Действующее законодательство не содержит однозначного ответа на вопрос о том, как должно распределяться процессуальное правопреемство между вновь созданными юридическими лицами. Для решения данной проблемы предлагается внести в ГПК РФ норму, согласно которой процессуальное правопреемство при реорганизации юридического лица должно определяться на основании передаточного акта или разделительного баланса, а при невозможности определить

правопреемника - устанавливаться судом с учетом фактического перехода прав и обязанностей.

Особого внимания заслуживает проблема процессуального правопреемства при банкротстве юридического лица. Действующее законодательство не содержит четкого регулирования вопроса о возможности процессуального правопреемства в отношении требований, которые не были включены в реестр требований кредиторов. Предлагается дополнить законодательство положениями, определяющими порядок процессуального правопреемства в таких ситуациях, в частности, установить механизм перехода процессуальных прав к лицам, приобретающим имущество должника в ходе конкурсного производства.

Существенной проблемой также является недостаточная защита прав третьих лиц при замене стороны в процессе. Действующее законодательство не предусматривает обязательного извещения третьих лиц о предстоящей замене стороны и не регламентирует их право на возражение против такой замены. Предлагается дополнить ГПК РФ положением об обязательном извещении третьих лиц о предстоящей замене стороны и предоставлении им права представить возражения, которые суд должен рассмотреть при решении вопроса о замене.

Заслуживает внимания и проблема процессуального правопреемства при уступке права требования в ходе судебного разбирательства. Действующее регулирование не содержит четких критериев допустимости такой уступки и ее процессуальных последствий. Представляется необходимым закрепить в законе положение о том, что уступка права требования после возбуждения производства по делу допускается только с согласия суда, который должен проверить отсутствие признаков злоупотребления правом и негативного влияния на права других участников процесса.

Требует законодательного решения проблема процессуального правопреемства при множественности лиц на стороне истца или ответчика. В

частности, необходимо урегулировать вопрос о возможности частичного правопреемства, когда права требования или обязанности переходят не ко всем правопреемникам в равных долях. Предлагается дополнить ГПК РФ положениями, определяющими порядок процессуального правопреемства в таких ситуациях, включая механизм определения процессуального статуса каждого из правопреемников.

Предложенные изменения позволят создать более сбалансированный механизм замены участников гражданского судопроизводства, обеспечивающий как эффективность правосудия, так и защиту прав всех заинтересованных лиц. При этом важно, чтобы новое регулирование было достаточно гибким и позволяло судам учитывать особенности конкретных ситуаций, не создавая излишних процессуальных барьеров.

Комплексное совершенствование законодательства должно также затронуть вопросы процессуального правопреемства в делах неимущественного характера. Необходимо законодательно закрепить критерии допустимости правопреемства по требованиям о защите нематериальных благ, установить особенности процессуального правопреемства по требованиям о компенсации морального вреда в случае смерти первоначального истца, а также определить порядок замены стороны в делах о защите деловой репутации юридического лица при его реорганизации.

Таким образом, анализ существующих проблем процессуального законодательства в сфере замены ненадлежащей стороны и процессуального правопреемства свидетельствует о необходимости системного совершенствования правового регулирования. Ключевыми направлениями реформирования должны стать: закрепление института замены ненадлежащего истца, совершенствование механизма процессуального правопреемства при реорганизации юридических лиц, усиление защиты прав третьих лиц при замене стороны в процессе, а также регламентация процессуальных последствий уступки права требования в ходе судебного разбирательства.

Предлагаемые изменения законодательства должны основываться на принципах процессуальной экономии, защиты прав всех участников судопроизводства и предотвращения злоупотребления процессуальными правами. При этом особое внимание следует уделить обеспечению баланса между необходимостью эффективного судебного разбирательства и гарантиями прав участников процесса. Реализация предложенных рекомендаций позволит создать более совершенный механизм правового регулирования института замены ненадлежащей стороны и связанных с ним процессуальных отношений.

Представим выводы по третьей главе исследования. Анализ практических аспектов замены участников процесса показал, что суды сталкиваются с рядом сложных ситуаций, требующих комплексного применения норм материального и процессуального права. На основе изученной судебной практики 2024 года выявлены конкретные проблемы при замене сторон в случаях смерти физического лица, реорганизации юридических лиц и определения надлежащего ответчика в делах о возмещении вреда. Особую сложность представляют случаи процессуального правопреемства с участием несовершеннолетних наследников, когда требуется не только определение круга правопреемников, но и обеспечение их надлежащего представительства в процессе.

В ходе исследования установлено, что существующее процессуальное законодательство имеет ряд существенных пробелов, в частности: отсутствие института замены ненадлежащего истца, недостаточная регламентация процедуры процессуального правопреемства при реорганизации юридических лиц в форме выделения или разделения, а также неурегулированность вопроса о правах третьих лиц при замене стороны в процессе. Критический анализ научной позиции исследователей позволил выявить, что предложенный механизм привлечения ненадлежащего ответчика в качестве третьего лица может необоснованно усложнять процесс и увеличивать сроки рассмотрения дела.

На основе проведенного исследования нами предложены конкретные изменения в процессуальное законодательство: введение механизма замены ненадлежащего истца при условии согласия обеих сторон и контроля суда за недопущением злоупотреблений, закрепление порядка определения процессуального правопреемства при реорганизации юридического лица на основе передаточного акта или разделительного баланса, установление обязательного извещения третьих лиц о предстоящей замене стороны с предоставлением им права на возражение, а также регламентация процессуальных последствий уступки права требования в ходе судебного разбирательства. Реализация данных предложений позволит создать эффективный механизм замены участников процесса, обеспечивающий баланс между процессуальной экономией и защитой прав всех заинтересованных лиц.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что участники гражданского процесса представляют собой систему субъектов процессуальных правоотношений, объединенных по критерию юридической заинтересованности в исходе дела. К основным видам участников относятся лица, участвующие в деле (стороны, третьи лица, прокурор), и лица, содействующие осуществлению правосудия (эксперты, специалисты, свидетели). Центральное место занимают стороны - истец и ответчик, обладающие материально-правовой заинтересованностью в исходе дела и наделенные широким кругом процессуальных прав и обязанностей.

В ходе исследования выявлены существенные проблемы правового регулирования статуса участников процесса, требующие законодательного разрешения. К ним относятся: отсутствие в ГПК РФ упоминания о взыскателе и должнике как участниках приказного производства, неопределенность правового положения Уполномоченного по правам человека, двойственность статуса прокурора, сложности в определении процессуального положения законных представителей несовершеннолетних. Особую актуальность приобретает проблема определения правового статуса участников группового производства, где требуется детальная регламентация механизмов взаимодействия между истцом-представителем и членами группы.

Особенности правового статуса участников гражданского процесса проявляются в дифференциации их процессуальных прав и обязанностей в зависимости от характера заинтересованности в исходе дела и выполняемых функций. Так, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования, наделяются правами истца, тогда как третьи лица без самостоятельных требований обладают ограниченным набором процессуальных прав. Законные представители совмещают материально-правовой и процессуальный статусы, что влияет на объем их полномочий. В групповом производстве истец-представитель наделяется исключительными правами по ведению дела, при

этом остальные участники группы имеют ограниченные процессуальные возможности. Эти особенности требуют дальнейшего совершенствования процессуального законодательства для обеспечения эффективной судебной защиты прав всех заинтересованных лиц.

В результате исследования установлено, что замена участников в гражданском процессе реализуется через правовой механизм, включающий как материальное, так и процессуальное правопреемство. Процессуальное правопреемство, в отличие от материального, носит исключительно универсальный характер и возможно только при наличии соответствующего правопреемства в материальном правоотношении. Важную роль играет институт обратного правопреемства, он служит эффективным инструментом защиты гражданских прав при признании недействительности сделок, реорганизации корпораций и оспаривании наследственных отношений.

Существенную роль в процедуре замены участников играет суд, который обязан не только проверить наличие оснований для правопреемства, но и обеспечить соблюдение процессуальных гарантий всех участников процесса. При этом замена ненадлежащего ответчика возможна исключительно по ходатайству или с согласия истца, что подчеркивает диспозитивный характер данного процессуального действия. Важно отметить, что после замены участника процесса все действия, совершенные до вступления правопреемника, сохраняют обязательную силу в той мере, в какой они были обязательны для правопреемника, что обеспечивает процессуальную экономию и стабильность судопроизводства. Законодательные новеллы, касающиеся замены судей, существенно изменили подход к данной процедуре, установив четкие основания и последствия такой замены, включая обязательность нового рассмотрения дела с самого начала.

Анализ практических аспектов замены участников процесса показал, что суды сталкиваются с рядом сложных ситуаций, требующих комплексного применения норм материального и процессуального права. На основе изученной судебной практики выявлены проблемы при замене сторон в

случаях смерти физического лица, реорганизации юридических лиц и определения надлежащего ответчика в делах о возмещении вреда. Особую сложность представляют случаи процессуального правопреемства с участием несовершеннолетних наследников, когда требуется не только определение круга правопреемников, но и обеспечение их надлежащего представительства.

Выявленные в ходе исследования недостатки правового регулирования требуют системного подхода к совершенствованию процессуального законодательства. Так, необходимо дополнить ГПК РФ статьей 40.1 «Замена ненадлежащего истца» следующего содержания: «Если при подготовке дела к судебному разбирательству или в ходе его рассмотрения выяснится, что дело должно рассматриваться по иску другого лица, суд с согласия истца и лица, которое должно быть истцом по данному делу, может допустить замену ненадлежащего истца надлежащим истцом. При отказе истца дать согласие на замену суд рассматривает дело по предъявленному иску». Данная норма устраним существующий дисбаланс в правовом регулировании замены сторон и обеспечит процессуальное равенство истца и ответчика.

Статью 44 ГПК РФ следует дополнить частью 3: «При реорганизации юридического лица в форме разделения или выделения процессуальное правопреемство определяется на основании передаточного акта или разделительного баланса. В случае невозможности определить правопреемника суд устанавливает его с учетом фактического перехода прав и обязанностей». Такая регламентация исключит правовую неопределенность при процессуальном правопреемстве в сложных случаях реорганизации.

Статью 41 ГПК РФ необходимо дополнить частью 3: «О предстоящей замене ненадлежащего ответчика суд обязан уведомить третьих лиц, участвующих в деле, которые вправе представить возражения против такой замены». Это обеспечит защиту прав третьих лиц при изменении субъектного состава процесса.

Предложенные рекомендации направлены на рост эффективности гражданского процесса и обеспечению надлежащей защиты прав участников.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авербах Э.И. Обязательность нового рассмотрения дела при замене судьи // Мировой судья. 2024. № 8. С. 35 - 37.
2. Алейниченко В.Г. Спорные вопросы правопреемства в гражданском процессе // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. №2. С. 123-128.
3. Алиев Т.Т. Актуальные вопросы правового положения участников гражданского процесса // Современное право. 2020. № 10. С. 86 - 90.
4. Аранчал А.В., Маады А.И. Некоторые проблемы перемены лиц в обязательстве в соотношении с процессуальным правопреемством на стадии исполнения решения суда // StudNet. 2022. №2. С. 1069-1075.
5. Бойко К. Б. Определение состава лиц, участвующих в деле, и других участников процесса на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве // Вестник науки. 2021. №11 (44). С. 85-87.
6. Бортникова Н.А. Основание и порядок замены истца его правопреемником в гражданском и арбитражном процессе // СПС «Консультант Плюс». 2025.
7. Городнова О.Н., Макарушкова А.А. Проблемы определения правового статуса лиц, участвующих в гражданско-процессуальном деле // Сибирское юридическое обозрение. 2020. №1. С. 134-139.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // СПС «Консультант Плюс».
9. Дербишева О. А. Особенности замены ненадлежащей стороны в отдельных категориях гражданских дел // Вестник Института экономических исследований. 2019. №1 (13). С. 162-167.

10. Дербишева О.А. Отличия гражданского процессуального правопреемства и гражданского правопреемства // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3. С. 49 - 52.

11. Квициния Н.В., Осадченко Э.О. Судебные ошибки при применении норм о замене ненадлежащей стороны судопроизводства // Legal Concept. 2020. №1. С. 142-147.

12. Мирошниченко И.Р. Некоторые проблемные вопросы участия третьих лиц в гражданском судопроизводстве // Скиф. 2021. №6 (58). С. 193-196.

13. Носов Д.В. Об обратном правопреемстве в российском гражданском праве // Юридическая наука. 2022. №9 С. 9 - 13.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // СПС «Консультант Плюс».

15. Решение № 2-189/2024 2-3285/2023 от 30 июля 2024 г. по делу № 2-189/2024 // СПС «Консультант Плюс».

16. Решение № 2-21/2024 2-715/2023 от 30 июля 2024 г. по делу № 2-21/2024 // СПС «Консультант Плюс».

17. Решение № 2-3664/2024 2-3664/2024 от 26 августа 2024 г. по делу № 2-3664/2024 // СПС «Консультант Плюс».

18. Решение № 2-474/2024 от 30 июля 2024 г. по делу № 2-474/2024 // СПС «Консультант Плюс».

19. Решение № 2-728/2024 2-728/2024 от 7 августа 2024 г. по делу № 2-728/2024 // СПС «Консультант Плюс».

20. Решение № 2-890/2024 от 30 августа 2024 г. по делу № 2-1630/2023-М-1417/2023 // СПС «Консультант Плюс».

21. Рябус О. А. К вопросу о смене процессуального статуса лиц, участвующих в деле в гражданском и арбитражном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. №2. С. 210-217.

22. Таирова А.Т. Законный представитель как участник гражданского процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7. С. 18 - 22.
23. Трезубов Е.С., Звягина Н.С. Проблемы правового статуса участников группы лиц при рассмотрении коллективных исков // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. №4. С. 1065-1068.
24. Фомина О. Ю. Влияние материальных норм на процессуальное правопреемство в гражданском судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. №4. С. 138-142.
25. Худадян Д.В. Ненадлежащая сторона как участник гражданского процесса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №3-3. С. 104-106.
26. Яндиева Х.М. Характеристика сторон как участников гражданского процесса // Отечественная юриспруденция. 2020. №3 (42). С. 65-67.